

МИХАИЛ ДОРИН

СИ**ДИЙСКИЙ**

РУБЕЖ 6

Михаил Дорин
Сирийский рубеж 6

«Автор»

2026

Дорин М.

Сирийский рубеж 6 / М. Дорин — «Автор», 2026

1984 год. Ближневосточный узел противоречий затягивается всё сильнее. Советскому Союзу невозможно остаться в стороне и позволить США развязать кровавую бойню в самой горячей точке мира. Майор Александр Клюковкин в эпицентре битвы за небо Сирии.

© Дорин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	36
Глава 7	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Михаил Дорин

Сирийский рубеж б

Глава 1

Сигнал о разрешении пуска продолжал бить по перепонкам. Виски пульсировали, а глазами я пытался сконцентрироваться хотя бы на одной из целей.

– Пуск! – скомандовал я, и первая ракета вышла из направляющей.

Несколько витков и управляемое Кешей средство поражения устремилось к цели.

– Держу... нет, срыв! – громко доложил Иннокентий, когда АН-64 «Апач» противника сманеврировал и скрылся за невысокой горой.

Тут же выполнил манёвр и я, отстреливая ловушки. От управляемых ракет «Хеллфайр» они не спасут, а вот от возможных пусков «Стингеров» с пилонов Апача вполне. Помнится, на них такие редко, но ставили.

– 1-й, как принимаешь? – услышал я громкий голос Занина.

– Нормально. По заданию работай, – ответил я ему.

– Сейчас-сейчас. Настраиваю, – тяжело дышал Василий.

По нашей задумке, он должен был зависнуть за одной из вершин и контролировать пространство. Когда захватит цель, выполнить подскок и пустить ракету Р-60М. А если повезёт ещё и повторит этот манёвр.

– Пока не в захвате, – доложил Занин.

Вроде и готовились к атаке, и разобрали все возможные варианты, но внезапность предусмотреть невозможно.

– Цель... 3.4... 3.7... уже 4.0, – докладывал Кеша, пока я преследовал один из Апачей.

– 101-й, справа заходит, – услышал я Тороса в эфире.

Преследовать этот Апач нет уже смысла. Ручку управления отклонил от себя и снизился к самой земле. Колёсами практически проехал по колонне машин, едва не задев башню одного из танков.

– Атакует! – громко крикнул Кеша, заметив пуск с одного из Апачей.

Он прямо у меня под ракурсом. Есть возможность атаковать из пушки. Дальность чуть больше километра. Тут же жму на гашетку, но очередь прошла совсем рядом с хвостовой балкой вертолёта противника.

– Отвернул. Ракета ушла в сторону, – доложил Петров.

Внизу и правда произошёл взрыв, но оператор Апача не выдержал «Хеллфайр» на боевом курсе.

– 812-й, видим одного. Готовы работать, – сообщил мне Аси, пришедшие ко мне на поддержку.

Отвернувший в сторону Апач начал уклоняться слишком далеко. Как раз то, что нам и нужно. Сейчас должна сработать наша ловушка.

– 101-й, вижу пуск с земли. И ещё один! Справа под 90° от тебя, – доложил Торос.

Ох, этот парень и хорош! Весь в работе с нами.

Две ракеты ПЗРК устремились к цели. Апач попробовал уйти, но слишком мало было времени, а на тепловые ловушки ракеты не повелись.

– Попал! – громко произнёс Торос.

АН-64 моментально вспыхнул и начал валиться на правый борт, устремляясь вниз. Раскрутился вокруг своей оси, отбрасывая чёрный дым и яркое пламя. Секунда, две и он столкнулся с землёй. Взрыв, и над сопками поднялся столб огня и дыма.

На больших высотах шла своя война. Истребители Израиля активизировались под конец дня. Но и тут у нас работает прикрытие.

– Держу его. Эх! Сорвал захват, – негодовал кто-то из наших лётчиков-истребителей.

– Вот он! Накрываем. Уходит, – продолжали работать на высоте экипажи в зонах дежурства.

Ещё один пуск со стороны солнца. Будто в замедленной съёмке ракета пролетела перед нашим вертолётom. Я только и успел увидеть, как она вошла в один из БТРов. Огонь объёял бронетехнику, развернув её на дороге.

Следовавший за «бронёй» ЗИЛ в последний момент успел уйти в сторону и объехать горящий БТР.

– Кеша, наводись дорогой. Кроме нас их некому защитить, – сказал я, развернувшись в сторону только что стрельнувшего вертолётa.

– Марка на цели. Дальность... 3.9. Пуск! – доложил Иннокентий.

Ещё одна ракета устремилась к цели. Один виток, второй, и «Атака» встала на курс. Апач начал уходить в сторону, но медленно.

– Есть... держу... ещё... твою мать! – выругался Кеша.

Ракета попала в борт Апача, но он не рухнул. Двигатель задымил, и вертолёт пошёл на вынужденную посадку.

И только в последний момент я увидел, что к земле летит тот самый Апач со змеей на борту.

– Ещё три, – подвёл я промежуточный итог. – 812-й, в трёх километрах посадку произвёл «индеец».

– Понял. Подберём. Колонну наблюдаем, – ответил Аси.

Он начал передавать информацию поисково-спасательному экипажу, который был недалеко. Надеюсь успеют подлететь и забрать пилотов Апача.

Но на этом ещё все наши беды не закончились.

– Слева один. А сзади ещё, – заметил я два вертолётa противника.

Это уже было как минимум волнительно. В такие нас с Кешей клещи ещё сегодня не загоняли. Но самое плохое – отгеснили от колонны, которую нужно прикрывать до последнего.

– Атакует! Танк подбит, – выходил с докладом в эфир Торос.

Надо сбрасывать с себя Апачи и прикрывать колонну. Ручку отклонил на себя, а затем сразу влево. Я не успел почувствовать перегрузки и дискомфорта от столь быстрого манёвра.

Вертолёт быстро развернулся, выполнив поворот на горке. И левую педаль не пришлось полностью отклонять.

– Ракета! – громко сказал Кеша, когда в стороне от нас прошёл один из «Хеллфайеров».

– Вижу, – ответил я на нервный возглас Кеши, но слишком быстро мы разошлись с Апачем, чтобы его оператор он успел удержать прицельную марку на нашем Ми-28.

Но тут же по капотам двигателя застучали «молотком». Очередь из пушки прошла по касательной. Уже близко.

В следующий раз так не повезёт.

– 101-й, я готов. До цели 7. Цель вижу, – докладывал в эфир Занин.

Он явно целился в Апач, который только что отработал по колонне. Этот АН-64 был прямо над нашей техникой.

Команда «Пуск» не прозвучала. Либо утонула в плотном радиообмене. Со стороны одной из господствующих высот вырвалась большая серая точка.

Ракета Р-60М ещё быстрее, чем наши ПТУРЫ. Уйти от неё крайне сложно. Время полёта с такой дальности не более 4 секунд.

Апач отвернул на правый борт. Тем самым подставился сам. Идеальная позиция для ракеты!

АН-64 начал отстреливать ловушки и разворачиваться, пытаясь «спрятать хвост». Но, было уже поздно.

Ракета попала в борт, а сам Апач поглотило огненное облако. Он просто разрушился в воздухе.

Но недолго мне пришлось наблюдать за этим зрелищем. Снова пара Апачей начала меня накрывать.

– Саньч, маневр... рируй, – призывал меня к действиям Кеша.

Как будто я тут не кручусь, как «вошь на гребешке»! Спикировал вниз и скрылся за одной из сопки. Тут же один из Апачей вылетел навстречу, но я вовремя пустил очередь из пушки. Пришлось противнику уйти в сторону.

Ещё один разворот. Теперь уже ракета ушла в нашем направлении, если верить подсказке Тороса. Выполнил очередной отворот от колонны, но теперь я их не интересую. Апачи в паре устремились к нашей технике.

– 101-й, наблюда... опять локатор в отказе! – возмутится Занин.

– Идут на колонну. Быстрее! – сказал я, чтобы Вася вылезал из своего укрытия.

Апачи уже выходят на дальность пуска. Кеша наводит марку на цель, появилась область встреливания, но я не смогу пустить две ракеты.

– Цель вижу. Марка на цели.

– Пуск! – дал я команду и очередная «Атака» с глухим звуком вышла из контейнера.

На индикаторе лобового стекла продолжает отсчитываться расстояние до цели. Главное – чтобы Занин успел второй вертолёт сбить.

И тут вновь появилась Р-60. Яркая вспышка и первый АН-64 исчез в огненном облаке, разрушившись в воздухе.

В этот момент и наша ракета достигла цели.

– Есть, – громко доложил Кеша, когда ещё один Апач начал валиться набок.

Его сильно закрутило, и он грубо приземлился на пустыре, подняв огромное облако пыли и песка.

– 812-й, ещё один сел на вынужденную. Два километра от дороги, – сообщил я Дисе, который прикрывал брата на другой площадке.

– Понял, 101-й. Подберём.

Как мне показалось, только после этой фразы я выдохнул. Будто предыдущие десять минут я не дышал вовсе.

Я выполнил проход над всей колонной. Техника постепенно начала двигаться, а товарищ «Торос» продолжал докладывать через ретранслятор о состоянии машин.

– 453-й, одну коробочку потеряли. Два грузовых сожгли. Движение продолжаем, – доложил авианаводчик.

Беглый взгляд на топливомер не принёс мне радостных эмоций. Пора было уже возвращаться.

– 453-й, я 101-й, замена нужна, – запросил я через ретранслятор.

– Передаю.

Через двадцать минут появились и наши сменщики. На удивление среди них не было Рафика.

– 101-й, я 237-й, к вам четвёркой. Колонну наблюдаем. Готовы работать, – вызвал меня ведущий наших заменщиков.

– 237-й, понял вас, – ответил я, выполняя разворот на обратный курс.

Занин пристроился справа от меня, а пара Аси и Дисе шла чуть в стороне. В такие моменты так и хочет сказать: « – на этом мои полномочия всё». Но война продолжается.

Это был лишь очередной эпизод.

Напряжение спало только после запроса от руководителя полётами на площадке.

– 101-й, Клёну. Подход разрешил. Давление 735.2, ветер у земли штилевой.

– Понял. Записал. Рубеж 10 километров от точки доложу, – ответил я.

В правом глазу слегка защипало от пота, а во рту уже давно пересохло. Я взглянул на часы и увидел, что уже почти шесть часов вечера.

– Саныч, можно вопрос.

– Хоть два, Кеша.

– Время ужина, а мы ведь ещё и не обедали сегодня, – спокойно заявил Петров.

Я и забыл, что с Кешей у меня постоянные две проблемы – его аура всё и везде сломать, и его желудок.

– Иннокентий, после всех сегодняшних боевых вылетов, сопровождений колонн и боёв с Апачами, ты можешь думать только о еде? – удивился я.

– Эм... ну так война, как болезнь – приходит и уходит. А кушать хочется всегда, – совершенно спокойно ответил Кеша.

Что и говорить, а мой оператор, потрясающе прямой человек. Всегда говорит, что думает.

После посадки и выключения я не сразу вылез из кабины. Хотелось просто посидеть с закрытыми глазами. Но у меня были некормленные «дети».

– Сан Саныч, там ужин привезли, – подошёл ко мне техник.

– Это хорошо. Мы сейчас подойдём, – ответил я и начал вылезать из кабины.

Вечернее солнце пока ещё пригревало и не собиралось садиться за горизонт. Стоящие рядом Ми-24 продолжали готовить к повторным вылетам, а к нам уже спешил старший инженер испытательной бригады.

– Сан Саныч, ну вы там и дали просрать! Это ж какая антиреклама для Апачей. Нос утёрли...

Конечно, хорошо, что мы доказали наше превосходство. Но у нас на той дороге было не соревнование, а борьба за жизнь. Кто бы что ни говорил о нашем противнике, но уважение в бою он заслужил.

Я поднял голову и обнаружил насколько сильно раскурочен капот одного из двигателей. Да и в районе кабины было несколько попаданий.

– Я рад, что мы выиграли соцсоревнование, но в кабине Апачей люди были. И они погибли. А могли погибнуть и мы.

– Понял, Саныч. К повтору вертолёт готовить? – спросил старший инженер.

– Думаю, что стоит. И... спасибо за магчасть, – пожал я руки всему техсоставу.

Сил осталось не так много. Но на традиционный разговор с вертолётком хватит.

– Спасибо, «мышонок» ты наш. Сегодня был хороший бой, – похлопал я вертолёт в районе кабины.

Я отошёл в сторону от Ми-28 и сел на ящик с запасным имуществом и принадлежностями. Автомат снял с плеча и положил рядом. В разгрузке было уже жарко, так что я её расстегнул и снял. Телу стало полегче. Через минуту появился и Кеша.

Этот проглот уже что-то ел.

– Как они этот изюм едят? Он же противный, – присел рядом со мной Иннокентий, который ел финики из газетного кулёка.

– До ужина дотерпеть не хочешь?

– А чего терпеть?! Вот мне дали технари погрызть. Надо значит грызть.

Я улыбнулся и повернулся опять к вертолёту.

Лопастки медленно покачивались, а рядом с ним проводили осмотр и подготовку техники и инженеры.

– Кстати, Саныч. А до каких пор мы будем сбивать вертолётки? Истребители тогда зачем? – спросил Кеша.

– Всё просто, Кеша. Скорости маленькие, на фоне земли сложно вертолёт обнаружить. Ну и вертолёт просто может и спрятаться за складки местности. По итогу, вертолёт для истребителя такая же неудобная цель, как и для тебя распорядок приёма пищи. Объяснить почему?

– Да не стоит. Я всё знаю, – ответил Петров.

– Серьёзно? А чего тогда спрашиваешь, – удивился я.

– А чего тут знать?! Порции маленькие, изюм какой-то не изюм. Кроме шаурмы мне пока ничего больше не понравилось в Сирии. Распорядок так и вовсе сбитый. А режим питания нарушать нельзя. Мне так мама в детстве говорила ещё.

На разных планетах мы с Кешей. Спишу это всё на нервозность после боя.

Занин и его штурман Лагойко присоединились к нам через несколько минут. Вася был ещё под впечатлением боя и мало говорил, хоть и пытался.

– Я... там... здесь было... снова, – показывал он руками.

– Он говорит, что локатор работал неустойчиво, – перевёл этот набор слов Лагойко.

Занин через несколько минут пришёл в себя и рассказал уже всё более подробно. Выходит, что в боевых условиях локатор себя показал хорошо. Даже позволил сбить сразу два вертолёта.

– Ну всё! Поздравляю! В следующий раз будем сбивать истребители, – подытожил я.

– Нет! – хором ответили Занин и Лагойко.

– Шучу, мужики. Идёмте есть.

В одной из палаток нас и разместили на двухъярусных кроватях. В качестве ужина был сухой паёк из консервов, галет и нескольких вкусняшек тугоплавкого шоколада.

Что-то мне подсказывает, что именно в этой палатке нам ещё предстоит пожить.

– Моё почтение, «руси мусташар». Это был не бой, а нечто, – зашёл в палатку Диси.

Следом вбежал Аси, который больше делился эвакуацией лётчиков Апачей.

– Одного взяли при попытке к бегству. Пытался убежать через горы. Не знаю, на что он надеялся.

Главное, что этих лётчиков взяли. Теперь с них можно получить интересную информацию. Пока мы поглощали консервы и галеты, в палатку к нам прибежал солдат с очень важным сообщением.

Настолько важным, что парня никто не успел дослушать. Все на автомате пошли в штаб.

Аси и Диси остались. Их никто к генералу не вызывал.

– Заходите, – разрешил нам войти Борисов, встав со своего места.

В палатке также сидел представитель сирийской разведки, приветливо нам улыбаясь. Я вспомнил, что это товарищ Али Дуба – начальник Управления военной разведки Сирии.

– Товарищ генерал, задание...

– Вольно, майор. Молодцы! Спасибо, мужики, – пожал Иван Васильевич каждому из нас руку и указал всем подойти к карте.

Приятно, когда твоя работа не остаётся без внимания.

– Колонна уже почти дошла. Фронт прорван, а войска Израиля постепенно откатываются к позициям до 1973 года. Всё складывается как нельзя лучше, – довёл до нас информацию Борисов, склонившись над картой.

– Это хорошо, Иван Васильевич. Как десант в Рош-Пинна? Держится? – спросил Занин.

– Ещё как. А с подходом колонны ещё лучше будут. Вертолёты отработали по позициям артиллерии, которая кромсала наших парней на аэродроме. Но все угрозы устранить не получается пока.

Борисов посмотрел на Али Дуба, будто ждал от него разрешения.

– Поэтому нужно поработать ещё. Тут без нас не обойтись.

Начальник сирийской военной разведки встал и подошёл к карте.

– Знаю, что вы сегодня сделали многое для победы. Но есть одна задача, которую можете выполнить только вы. Вот здесь, – указал точку на карте в северной части Израиля.

Дуба объяснил, что это радиолокационный пост, с которого просматриваются все Голанские высоты.

– Именно отсюда получает информацию пункт управления авиацией Израиля. Он нам мешает, – сказал Дуба.

Выходит, что нам предлагают скрытно подойти и уничтожить эти средства радиолокации. Задача не из лёгких.

– Если есть предложения, то стоит их рассмотреть. Что скажете? – спросил у меня Дуба.

Мысль была у меня только одна. И очень даже светлая.

– Кеша, у нас же есть очки? – спросил я.

– Прямо сейчас нужны? – переспросил Петров.

– К ночи.

Кеша отошёл в сторону, пока я стоял над картой и изучал район полёта. Скрытно подойти получится только ночью. Благо опыт в этом у нас есть.

– Вот, Сан Саныч, – вернулся Кеша и протянул мне... очки «авиаторы».

Взял их и внимательно рассмотрел. Повернувшись к Иннокентию, я даже и не знал, что ему ответить на это.

– Ладно, и такие сойдут, – ответил я и убрал очки в карман.

Глава 2

В штабе присутствовало напряжение, усиленное запахом кофе и сигарет. Телефоны и динамики смолкали совсем ненадолго. Постоянные доклады, проверки, запросы и так по кругу.

Однако, не это было сейчас самым интересным. Главные действия развернулись рядом с картой. Там шёл не просто поединок, а настоящий бой двух главных штурманских умов.

– Угол сноса расчётный – 2°, – рассчитал на линейке НЛ-10 Кеша, сделав пометку в наколенном планшете, разложенном на карте.

– Угол сноса – 3°. Считай лучше, – поправил его Алексей Лагойко.

– Вот и на хрена такая точность, а?! – возмутился Иннокентий.

– Знаешь что... вот зачем ты именно так решил «палку» кинуть? – ответил ему штурман-испытатель, намекая на спрямление маршрута при выходе в район цели.

Ну и так продолжалось уже минут двадцать. Даже генерал Борисов не лез в эту битву «хамских отродий», как называл штурманов император Пётр Первый.

– Они не убьют друг друга? – шепнул мне Занин, который широко зевал, наблюдая за нашими товарищами.

– Не должны, – ответил я, заметив на себе задумчивый взгляд генерала.

И после моих слов вновь поднялся градус напряжения.

– Так никто не летает. Здесь граница. Тут озеро. Там вообще сопки, – усомнился Лагойко в правильной прокладке маршрута.

– Мы у себя всегда так летали, – ответил ему Кеша.

– Где? – выпрямился Алексей, уперев руки в бока.

– Где-где, в Афгане.

Иван Васильевич в очередной раз достал сигарету и прошёлся перед нами с напряжённым лицом.

– Они точно не убьют друг друга? – ещё раз шепнул Василий Занин.

– Теперь не уверен. Хорошо, что они в разных вертолётах летают, – ответил я.

Ко мне подошёл начальник сирийской военной разведки Дуба. Даже он с его профессиональной выдержкой и терпением устал смотреть на столь тщательную прокладку маршрута.

– Александр, я может что-то не понимаю в авиации? Но у вас так всегда? – указал он на стол с картой, где Кеша показывал навигационную линейку Алексею Лагойко.

– Господин Дуба, только когда дело касается столь сложного полёта, – сказал я и попробовал объяснить Али, в чём сложность.

В данных полётах на высотах выше 100 метров затруднено визуальное определение высоты полёта. А раз мы выполняем полёт на предельно малой высоте, то и нужно более плавно управлять вертолётном.

– Поэтому знать искусственные и естественные препятствия по маршруту полёта жизненно необходимо. Вот и готовимся тщательно, – ответил я.

– А вы много летали в очках ночного видения? – спросил Али Дуба.

Даже не знаю, как ему и ответить. В прошлой жизни у меня опыт использования «енотов», как в шутку называли очки, был солидный. Это уже стало обыденным делом для каждого лётчика армейской авиации.

В новой жизни удалось выполнить только несколько полётов. А Кеша и вовсе летал только один раз. Но ему не понравилось. Сказал, что всё слишком зелёное.

– Они ещё пока в стадии войсковых испытаний. Но вы не волнуйтесь, мы всё проверили. Они работают, – ответил Занин.

– Я-то не волнуюсь, молодые люди. Вам в них лететь, – улыбнулся начальник сирийской военной разведки и подошёл к генералу Борисову.

В штаб зашёл старший инженер испытательной бригады и принёс те самые очки ночного видения.

Это были не те громадины, в которых мне «посчастливилось» полетать в этой жизни.

– А вы где такие взяли? – спросил я.

– Это новые. Им ещё название не придумали. Пока используем обозначение ПНВ-84В. Некоторые просто зовут «В-щечка».

– Прибор ночного видения 84 года вертолётный? – уточнил я.

Инженер пожал плечами.

– Ну, вроде так.

Я ещё раз посмотрел прибор. Он весьма лёгкий и выглядит как небольшой бинокль. ПНВ-84В уже намного ближе к тем самым очкам ГЕО-ОНВ-1, которые были у меня в прошлом.

– Саныч, ты только никому не говори. Их просто у американцев срисовали. В КБ принесли образец и сказали скопировать, – шепнул мне инженер.

Почему бы и нет. Я не против.

– Сколько по количеству этих «В-щечек»?

– У нас двенадцать комплектов. Рабочих только семь. Остальные, то помятые, то не включаются. Короче, вот так, мужики, – сказал инженер.

Я посмотрел очки и передал их Занину.

– В них глаза болеть будут, Саныч. Я первый раз летал, потом полчаса не мог проморгаться после полёта. А Евич... кхм, чтоб ему провалиться, и вовсе чуть в землю не вошёл, когда в полёте их снял перед посадкой. Чуть не ослеп, – проговорил Василий.

– Вот жаль, что так не случилось, – махнул рукой инженер и вышел на улицу.

Когда вспомнили про Евича, я подумал о тех пилотах Апачей, которых должен был подобрать экипаж ПСО.

Информации о прибытии колонны на место не было. Как и новостей с самого аэродрома в Рош-Пинна. Подполковник Зуев, который и собирал эти данные, был на телефонах. Одновременно мог быть сразу и на трёх.

– Связи нет. Информация была только от 18.00. Их обошли с трёх сторон и теперь накрывают артиллерией, – доложил генералу Борису один из офицеров.

– Сирийцы что говорят? Они могут нанести удар? Поддержать наших ребят, – спросил Иван Васильевич.

– Товарищ генерал, там же сирийские бойцы в основном... – вклинился в разговор Зуев.

– Я их от наших советских десантников не отделяю, товарищ подполковник.

– Я вас понял. Похоже, что им сейчас не до разработки операций.

Борисов повернулся к Али Дуба.

– Не вовремя, конечно, ваши смежники начали работать, – тихо сказал Иван Васильевич.

– Могло быть хуже, генерал, – ответил Дуба.

Пока ещё Кеша и Алексей Лагойко прокладывали маршрут, дойдя уже хотя бы до бывшей буферной зоны Голанских высот, я подошёл к генералу с вопросом о пленных лётчиках.

– Иван Васильевич, разрешите узнать, что с теми лётчиками Апачей, что поисково-спасательный экипаж поднял?

Борисов не ответил, но передал слово Али Дуба.

– С ними работают. Один из них очень даже смелый и постоянно говорит, что мы его незаконно удерживаем. Ещё один прикинулся глухонемым, но язык жестов ему незнаком. А третий самый интересный. Требуется американского посла.

– А вы что?

– Как у классика, мы ему сделали предложение, от которого невозможно отказаться. Вот он и оказался самый сговорчивый.

Интересно было бы встретиться лицом к лицу с противником. А ещё больше хотелось бы врезать по морде тому, кто расстрелял наших парней из пушки. Того самого пилота и оператора АН-64 с нанесённой змеёй на фюзеляже.

Прошло пару минут, и маршрут был определён.

– Я уже думал, ваши командиры вертолётов сами полетят, – насупился Борисов, подойдя к карте.

Маршрут наши штурманы проложили самый, что ни есть, завиральный. Докладывать начал Лагойко, предварительно прокашлявшись.

– Взлёт. Высота 50 метров. Прямая до первого поворотного пункта 30 километров. Далее снижаемся насколько возможно. Лучше до 10 метров. Курс 264°.

– Курс 266°, – шепнул ему Кеша.

– Вот и на хрена такая точность, а?! – возмутился Алексей.

Борисов стукнул кулаком по столу. Я, Занин и Али Дуба с трудом сдерживали смех.

– Вы меня достали, товарищи штурманы. Или вы сейчас мне рожаете маршрут сами безболезненно, или я вас простимулирую. Но уже больно.

– Так точно, – хором сказали Кеша и Алексей.

Самым опасным местом была точка, где нужно будет пройти по самой границе с Иорданией. Вспоминая наш утренний вылет, там как раз проходит длинное ущелье.

– Затем «ныряем» к озеру, прикрываясь берегом. Выход на боевой курс рассчитываем с траверза населённого пункта Кинерет...

– Будем атаковать с висения на максимальной дальности, – сказал я.

– Можно и... в смысле?! – удивился Лагойко.

Кеша сощурился, а Занин даже не удивился такому решению.

– С висения. Точность выше и труднее нас обнаружить локаторам. Или я не прав, Василий? – повернулся я к Занину.

– В очках нас от первого же взрыва будет слепить. Так что надо бить наверняка. Поддерживаю.

Лагойко и Кеша переглянулись.

– Тогда надо кое-что поменять в маршруте. Сейчас мы рассчитаем...

Борисов и Дуба были в шоке. На их лицах не было желания терпеть ещё несколько минут штурманских расчётов двух светил навигации.

К счастью, парни справились быстро и слегка подправили маршрут. Теперь к Тибериадскому озеру походить не нужно было.

Борисов утвердил маршрут. Надо было видеть, с каким желанием он это сделал.

– Теперь самое главное. Колонна к аэродрому не пришла. Ночь нашим ребятам придётся отбиваться от атак противника, – начал говорить Иван Васильевич.

Мне несложно представить, что там сейчас происходит. Если ещё нет связи, то с каждым часом мысли о гибели десанта будут лезть в голову чаще.

– Уничтожить РЛС нужно обязательно. Без этого мы не сможем оказать с воздуха поддержку десанту в Рош-Пинна. Так что, задача важнейшая. Время вылета? – повернулся Борисов к Зуеву.

– Ударная группа взлетает в 4.27. Прикрытие в 4.20. Время удара рассчитано на 4.40, – ответил наш подполковник.

Похоже, что Борисов спланировал операцию без сирийцев. Куда вообще исчез их главком ВВС? Да и Рафика не видно.

– Время вашего удара не позднее 4.25. Иначе всё сорвётся, – сказал Иван Васильевич.

Наше совещание закончилось, и мы убыли в свою палатку. На улице уже было темно, а сам полевой аэродром погрузился в непроглядную тьму. Ни одного горящего фонаря, лампы или фары.

Хорошо, что у каждого лётчика есть с собой фонарик.

– О, мой ещё работает, – включил я свой «жучок», который был с механизмом динамо-машины.

Прекрасный и долговечный вариант фонарика. И светит, и кисть тренирует, как экспандер.

Следом за мной путь себе осветил Занин и Лагойко. А вот мой друг, соратник и просто хороший парень Кеша стал заложником своей ауры.

– Да блин. У меня в нём батареек нет, – сказал Петров, тряся налобным фонариком.

– Иди сюда, шахтёр, – ответил я и подождал Кешу, чтобы он мог идти рядом.

Рядом с палаткой сидел человек. Только подойдя ближе, я его осветил. Это был наш старый знакомый Виталий Казанов.

– Тёмная ночь, верно? – спросил он, вставая с ящика и здороваясь со мной.

– Хоть глаз выколи. Не могу сказать, что рад вас видеть. Но и не расстроен от этого факта, – ответил я.

Виталий посмеялся и попросил всех оставить нас для разговора. Ребята ушли в палатку, а мы с Казановым присели на ящик.

Только сейчас я рассмотрел, что Виталий был в «нагруднике» китайского образца и сирийской полевой форме без погон. Левое предплечье было перевязано, а через бинты слегка проступила кровь.

– Где поцарапались? – спросил я.

– С велосипеда упал, – ответил Виталий, доставая сигарету. – Я долго вас не задержу. Вам надо отдохнуть. Но вы должны кое-что знать.

– Слушаю вас.

– Его взяли. Он у сирийцев, – сказал Казанов.

На ум пришло только одно имя.

– Евич?

– Он самый. Я здесь, чтобы решить по нему вопрос. Так что считайте, что половину дела мы с вами сделали. И как мне доложили наши садыки, Евич был пилотом вертолёта со змеёй на борту.

Я ничего не ответил Казанову. Мной овладели эмоции – гнев, злость, обида. В жизни могу людям простить многие ошибки, но предательство, нет. Смысла вершить мне правосудие собственноручно и подставляться не имеет смысла. Евича с большей долей вероятности казнят. Жалко ли мне его? Ни капли.

– У меня всё, Александр. Берегите себя, – сказал Казанов и ушёл в темноту.

Я вошёл в палатку, где уже стоял мощный запах «тяжёлого» пота и храп Кешы. Ему вторил Лагойко, а Занин ещё не спал.

– Саныч, что хотели от тебя?

– Удачи пожелать и спокойной ночи.

Василий хмыкнул и повернулся набок.

– Я сейчас подумал, как там наши парни на аэродроме. Они вот так не поспят.

Я снял кроссовки и прилёг на скрипучую кровать. Сейчас там парням не до сна.

– Давай сделаем так, чтоб они хотя бы следующую ночь поспали.

Я подсветил часы. Нам оставалось дремать не больше трёх часов.

Проснувшись, мы быстро экипировались и пошли к вертолёткам. По пути нам сказал старший инженер, что нужно обязательно зайти на медосмотр. Даже в полевых условиях, но доктор присутствует рядом с нами.

Медпункт, как это ни удивительно, развернули в одной из палаток рядом с СКП-9. Пришлось прогуляться и туда.

Рядом с палаткой громко работал генератор, давая электричество в медпункт, и на рабочее место руководителя полётами на площадке.

– Разрешите... – громко сказал я, войдя в медпункт, и сразу замолчал.

На столе горела небольшая лампа, а рядом на железной кровати спала девушка. Она ждалась от холода, но от моего голоса не проснулась. Куртка, которой она укрывалась, съехала вбок.

– Саньч, тут...

– Тихо! – шикнул я на Кешу, ворвавшегося в палатку.

Иннокентий, увидев спящую девушку, решил ретироваться посредством исчезновения. Ещё бы, спящим медиком была Тося.

Я аккуратно подошёл к ней и укрыл курткой. На столе был раскрыт журнал предполётного медосмотра, а рядом лежал аккуратно сложенный стетоскоп с тонометром.

Антонина Белецкая приятно улыбалась во сне, но так и не проснулась от моего шороха. Однако, медосмотр нужно провести.

Я быстро сел и записал всех в журнал, проставив давление и температуру. Теперь законность соблюдена, пускай и не совсем законно.

Выйдя из палатки, я указал всем идти к вертолётам.

– Саньч, а ты уверен, что мы прошли медосмотр? Признавайся, воспользовался блатом? – улыбнулся Занин.

– Конечно. За каждого пришлось по поцелую отдать. Так что медосмотр мы прошли. Сам видел запись в журнале.

Быстро осмотрев вертолёт, я занял место в кабине. Шлем пришлось поменять, поскольку на моём не было крепления под прибор ПНВ-84В.

Я в очередной раз убедился, что это реальная копия американского прибора ночного видения третьего поколения AN/AVS-6. А сейчас они, видимо, появились раньше.

Такой прибор ночного видения будут использовать вертолётчики во время «Бури в пустыне». Если эта операция, конечно, состоится.

Снаружи остекление кабины ещё раз протёрли техники, чтобы нам ничего не мешало обзору.

В назначенное время приступили к запуску. Двигатели запустились, пора было и проверить работу прибора ночного видения.

– Саньч, я готов, – услышал я по внутренней связи голос Кешы.

– Кабину подготовил? – спросил я.

– Сейчас... минуту.

В кабине освещение перевёл на режим полёта в очках, а все бортовые аэронавигационные огни выключил, чтобы не было дополнительных бликов.

Я включил очки и опустил окуляры. Тут же мир стал зелёным. Хорошо просматривалось лётное поле и соседние вертолёты.

Подсвет приборов, пультов и дисплеев немного прибрал, чтобы не мешали осмотру закабинного пространства.

– Опасную высоту на 10 метров, – сказал я Кеше, установив задатчик на радиовысотомере.

– Понял. Теперь я готов, – ответил мне Петров.

– 2-й, готов, – сказал в эфир Занин.

Я включил один строевой огонь, чтобы он мог меня наблюдать. После пролёта буферной зоны придётся и его выключить.

Взглянул на часы. Минутная стрелка подходила к расчётному времени взлёта. Ещё 15 секунд...

– Паашли! – дал я команду Василию и оторвал вертолёт от асфальта.

Висеть долго не стали, и сразу перешли в разгон скорости. Ночь сегодня не лунная, что очень хорошо для использования прибора ночного видения. Иначе бы сложно было обнаружить объекты и вести визуальный контроль за высотой.

– Подходим к первому поворотному, – проговорил по внутренней связи Иннокентий.

– Понял, – ответил я и начал медленно снижаться.

Занин летел справа от меня. Я опустил окуляры и посмотрел в его сторону. Держался Василий ровно и не отставал.

– Смотрим поочерёдно в «еноты», – сказал я Кеше.

Иначе можно ослепнуть совсем. Нагрузка на зрение в приборе ночного видения серьёзная.

Мы пересекли границу буферной зоны. Теперь полёт предстояло выполнять на режиме радиомолчания. Вся территорию Голан и бывшей буферной зоны прекрасно мониторят израильские специалисты радиоразведки.

– Прошли второй поворотный, – доложил Кеша.

Стрелки часов неумолимо неслись ко времени Ч, когда будет взлетать ударная группа.

Скорость над столь сложным рельефом в очках держать нужно меньшую, чем в просто в визуальном полёте.

– Так..., а это что по курсу, – спросил Кеша, но я уже успел среагировать.

Пролетая над речкой, чуть было не зацепили линию электропередач. Ещё один манёвр и я ушёл от столкновения с мачтой.

Такие объекты в очках распознаются на дальности не более 2 километров, а столбы не более 1.5 километра.

– Подходим к точке начала боевого пути, – сказал Кеша.

Я опустил окуляры. Цель визуально ещё не было видно. Столь крупный объект можно различить с дальности не более 10 километров.

– До цели 15. Отворот на курс 264°, – дал команду Кеша.

Преодолели небольшое ущелье. Теперь очертания высоты 354 уже более чётко видны в окуляры.

Пора готовиться.

– Главный включён.

Глава 3

Я бросил очередной взгляд на приборы. Скорость подошла к отметке 120 км/ч. Ручкой управления постепенно замедлял вертолёт, чтобы выполнить зависание.

– Лес, командир, – подсказал мне Кеша.

– Вижу, – ответил я, принимая влево.

Аккуратно облетели лесной массив, но на пути вновь возникло препятствие. Очередная опора линии электропередачи, которую крайне сложно обойти слева. А справа населённый пункт.

– На себя и... вправо, – проговорил я, отклоняя ручку управления к себе и перелетая провода.

– Близко-близко, – проговорил Кеша.

Вертолёт резко набрал высоту, и я тут же его отвернул вправо. Крен на авиагоризонте был почти 30°. Максимальное значение для полётов в очках.

– Разошлись, – сказал я, снизившись к земле.

– Фух. Выходим на боевой, – подсказал Кеша.

Населённый пункт остался слева, а впереди уже замаячила радиолокационная станция. В зелёной пелене более чётко можно уже разобрать вращающуюся антенну поста.

– Режим 3, – проговорил я в эфир, отклоняя ручку управления на себя и слегка опуская рычаг шаг-газ вертолёта.

Стрелка указателя скорости прошла отметку в 60 км/ч. Вертолёт начало слегка трясти. Высоту выдерживаю на отметке 10 метров.

– Тормозим... зависли, – подтвердил я, когда вертолёт завис над кромками деревьев.

– Цель слева... 6.7 километров.

– Понял, – ответил я, поворачиваясь на цель.

Занин был справа и тоже завис над лесопосадкой. На индикаторе лобового стекла высветилась зона встреливания. Но тут пришла напасть.

– Командир, нас сносит. Не могу марку наложить, – подсказал Кеша.

– Ветер боковой, – ответил я, отклоняя педаль, чтобы удерживаться на месте.

Долго висеть нельзя. Звук винтов в близлежащих деревьях могут услышать и сообщить куда надо.

Стрелки на часах уже показывали 4.24. До времени нашего удара осталась минута. Самолёты прикрытия уже в воздухе, а ударная группа, наверняка уже на исполнительном старте.

Вертолёт болтает всё сильнее. Удерживать его в стабильном положении не выходит.

– Саныч, не могу. Скачет метка.

– 1-й, болтает, – тихо произнёс Занин.

Василия тоже начало болтать из стороны в сторону. Ветер мало того что усилился, так был ещё и переменный.

Осталось 40 секунд. Нужно пускаться на поступательном движении вперёд. Но тогда дальность будет меньше. Есть возможность обнаружения. И попадания под возможный огонь, и расчётов ПЗРК, и крупнокалиберных пулемётов.

Надо поймать порыв ветра. Лучше, когда он будет слева, чтобы меня не снесло на Василия.

Препятствий слева не было. До населённого пункта далеко, а обзор сопки, где стоит радиолокационная станция, был хороший.

Пора уже решать.

– 2-й, на смещение влево, – дал я команду Занину.

Ручкой управления создал крен 10°. Начал смещаться влево. Нос вертолѐта так и хочет развернуться в направлении движения.

Правой ногой отклоняю педаль, удерживая вертолѐт на линии встреливания и не давая вертолѐту развернуться.

– Марка... марка... на цели. Пуск! – произнёс Кеша.

В последний момент успел выровнять вертолѐт, чтобы крен был не более 5°. И тут же ракета вышла из контейнера, устремившись к цели.

Счѐтчик дальности застыл на 6.2 километра. Команда ПР снялась, а в наушниках прозвучал сигнал пуска.

Следом выпустил ракету и Занин.

Через прибор ночного видения было отчѐтливо видно, как тѐмная точка устремилась к цели, выполнив несколько витков вокруг своей оси.

– Держу... держу... держу... Саныч, плавно.

Я продолжаю удерживать вертолѐт на линии встреливания. Время до встречи ракеты с целью продолжало уменьшаться.

– 7... 6... 5, – отсчитывал я про себя.

Ракета всё ближе. За ней следом ещё одна. Через окуляры пока ещё видно, как крутится антенна. Осталось две секунды.

– Прямое, – спокойно сказал я.

Яркая вспышка залила светом весь обзор. Локатор исчез в облаке огня, а вся позиция начала рваться.

– Марка на цели. Пуск! – вновь произнёс Кеша.

И ещё две ракеты достигли цели.

Залп повторили ещё дважды, меняя позиции по отношению к цели. Через две минуты на сопке и рядом с ней всё пылало. Пора и заканчивать.

– 2-й, конец работы, – произнёс я в эфир, отвернув вертолѐт на обратный курс.

Темнота постепенно уступала место предрассветным сумеркам.

– 461-й, я 101-й, три пятёрки подтвердил, доложил я на ретранслятор, который был в воздухе.

Повторил сообщение дважды, чтобы меня услышали правильно. Теперь ударная группа может нанести удар.

– 101-й, вам режим 4, – услышал я в эфире команду.

Это означало конец задания и возврат на аэродром. Похоже, что мы действительно справились.

Можно уже и снять окуляры. Только я поднял «еноты», как глаза сильно защипало.

– Саныч, глаза болят, – сказал Кеша по внутренней связи, но и мне тоже было не совсем хорошо.

Левый слезился. Правый глаз отошёл быстрее, но пришлось пару секунд проморгаться.

– Блин, что это за «смерть лѐтчикам» такая?! – возмутился Кеша.

– А теперь представь, каково в них испытателям было. Если конечно, они в этом приборе летали, – ответил я, облетев очередную сопку справа.

Именно за ней мы и наткнулись на колонну. И просто так нам уйти бы никто не дал. Слева предрассветную темень расчертили пунктиры пулемѐтов.

По дороге в направлении Тибериадского озера двигалась колонна техники.

– Слева сварка работает, – сказал я в эфир Занину, но он начал уходить куда-то в сторону. – Колонна под нами, 2-й.

Василий молчал, а его вертолѐт слегка рыскал по направлению.

– 2-й, не отставай, – громко сказал я в эфир.

– Я очки... снял, – ответил Вася.

Видимо, ему сильно дала по глазам работа в приборе ночного видения. Однако, это не объяснить израильтянам. Огонь становился плотнее. Ещё немного и Занина с Лагойко достанут зенитки «Ховет» калибра 20 мм.

– Разворот, – скомандовал я, взяв ручку управления на себя.

Левую педаль отклонил до упора и начал разворот на горке.

– Отстрел! – произнёс я, чтобы Кеша нащупал у себя пульт управления «асошками».

Разворот на горке получил как никогда быстрый. Главный выключатель был уже включён, а на индикаторе лобового стекла высветилась прицельная марка.

– Атака!

Нажал гашетку, и неуправляемые снаряды тут же устремились к цели. Дымный след заполнил всё пространство впереди.

– Влево ушёл, – произнёс я в эфир, прежде чем вертолёт зацепило осколками. Во входные устройства попали выхлопные газы НАРов.

По всей колонне прошла серия взрывов. Движение техники моментально прекратилось.

– 2-й уйди вправо. Займи курс 30°.

– По... нял. По двигателю попали. Падение оборотов.

Этого ещё не хватало. Впереди ущелья и буферная зона. А рядом Иордания. Выбор прямо скажем, небольшой.

– Тяни до границы, – сказал я Занину, уйдя от новой очереди зенитной установки.

– До какой?

– До любой! – громко сказал я.

Вертолёт Занина продолжал отстреливать тепловые ловушки, пытаясь хоть как-то защититься. Ему вдогонку уже продолжали вести огонь.

– Кеша, ещё заход.

– Понял. Похоже, я прозрел, – неуверенно сказал Иннокентий.

Колонна продолжала огрызаться, но ещё один удар нанести необходимо.

– Справа пуск, – подсказал Кеша, отстрелив ложные тепловые цели.

Слева и справа начались яркие вспышки, а выпущенная ракета продолжила стремительно приближаться. Через мгновение тёмная точка с «дымным хвостом» сделала крутой поворот.

Взрыв слегка потряс вертолёт, но всё на борту было в порядке.

– Цель вижу. «Гвоздями» работаем, – проговорил я, готовясь атаковать НАРами.

Жалеть ракеты не стали. Выставил длинную очередь. Перекрестие на индикаторе лобового стекла совместил с одной из машин в колонне.

– Пуск! – громко сказал я.

Борт слегка трянуло, а сами ракеты устремились вниз. Резко отвернув вертолёт, мы вновь начали уходить из зоны поражения.

В развороте Кеша рассмотрел колонну. Несколько машин горело, а солдаты быстро покинули технику и начали прятаться в укрытия. В заднюю полусферу нам уже никто не стрелял.

– 460-й, 101-му, колонна техники с юга. Нанесли удар, движение остановлено, – передал я через ретранслятор.

Надеюсь, эта информация пригодится.

Я прибавил скорость и начал постепенно догонять Занина.

– Строго по ленточке идём, – доложил Кеша.

– 2-й, как вертолёт? – запросил я, догоняя Василия и пристраиваясь к нему справа.

Вертолёт не дымил, но попадания были критические. Правый капот разбило полностью.

Если подлететь ближе, можно и устройство двигателя изучить.

Ещё несколько пробоин было на фюзеляже и в районе кабины. Броня выдержала.

– 2-й, на связь, – запросил я Занина повторно.

– Ответил, – тяжело произнёс Василий в эфир.

– Как состояние? – спросил я.

– Лечу.

И это уже хорошо. До нашего полевого аэродрома осталось дотянуть 50 километров.

– Понял вас. 541-й задание выполнил. Наблюдал «коробочку». Дошли, – услышал я в эфире доклад с ретранслятора.

Я слегка сощурился, поймав лучи поднимающегося солнца. В этот момент так и хотелось выдохнуть. Знать, что все наши жертвы за эти сутки были не напрасны самое дорогое.

– Это значит колонна дошла? – спросил Кеша.

– Именно так, – тихо ответил я.

Не знаю, сколько ещё смогут удерживать аэродром наши спецназовцы, десантники и сирийские командос. Но теперь им точно будет немного легче.

Через несколько минут Занин начал заходить на посадку на свободный участок дороги. Правый двигатель он выключил и решил садиться по-самолётному.

Хорошо, что большинство вертолётов в это время отсутствовали на базе. В готовности оставили только звено Ми-24 и пару Ми-8. Наверняка для поисково-спасательного обеспечения.

– 102-й, посадка. Заруливаю и выключаюсь, – доложил Занин.

– Вас понял. Встречающие на месте, – ответил ему руководитель полётами.

Я развернулся и зашёл на посадку следом. Перед касанием выполнил висение и аккуратно приземлился на асфальт.

Когда колёса коснулись поверхности, я ощутил дикую усталость. Манжеты рукавов песочного комбинезона были тёмными от пота. Глаза ещё щипало, и очень хотелось их прикрыть.

– Выключение по готовности, – произнёс в эфир руководитель полётами.

– Вас понял. Спасибо за управление, – поблагодарил я.

– Всего лишь наша работа, – ответил мне РП.

– И наша, – ответил я ему и ушёл со связи.

Расстегнув шлем, не нашёл более лучших слов для такого момента.

– Лучшая работа в мире, – открыл я дверь кабины, впусив свежий воздух.

Выбравшись на асфальт, снял шлем и положил его на кресло в кабине. Медленно обойдя вертолёт, я похлопал его по фюзеляжу.

Кабина Кеша была открыта, а сам он не торопился вылезать.

– Сан Саныч, можно честно скажу?

– Тебе можно, – ответил я, опираясь спиной на вертолёт.

Иннокентий не сразу воспользовался этой возможностью и решил сначала выбраться на асфальтовую дорогу. Он посмотрел на меня своими покрасневшими глазами.

– Я за тобой куда угодно, командир. Но давай в следующий раз, где поспокойнее. Я сегодня ощутил на себе весь смысл поговорки «глаза боятся – руки делают».

Ну и тут Остапа, а точнее Кешу, понесло. Рассказал всё – и как он сложно наводился на цель, и как глаза болели, и как не видел ничего.

– А потом? – спросил я, когда Иннокентий подошёл к кульминационному моменту.

– Да я головой шандарахнулся, когда ты разворот на горке делал. Но помогло. Я так прозрел, что и... в туалет перехотелось. Короче, нам сегодня улыбнулась удача. Не знаю только как.

Я улыбнулся и приобнял Кешу.

– Иннокентий! Брат ты мой по небу. Сводный, конечно. Знаешь, для того чтобы удача улыбнулась, её нужно сначала рассмешить.

Кеша задумчиво почесал затылок.

– А как же мы тогда её рассмешили? – поинтересовался Петров.

– Да не бери в голову. Это я так, выламываюсь.

Занин и Лагойко, ещё до конца не отошедшие от вылета, сидели рядом с вертолётном. Василий ещё до конца не проморгался, а его штурман и вовсе сидел с закрытыми глазами. Такое ощущение, что медитировал.

– Вася, у тебя дети есть? – спросил я, подойдя ближе и нагнувшись к Занину.

– Есть. Но если тебе интересно, то я бы ещё хотел.

– Так давай не будем нарушать работу твоего организма ниже пояса и встанем с холодного асфальта.

Я помог Васе встать.

– А мне хватит и моих четверых. Можно я посижу? – спросил Алексей, но Кеша оказал ему помощь и поднял на ноги самостоятельно.

Как это ни странно, но нам всем надо было в медпункт. Возможно, у Антонины есть какие-нибудь капли. А то так и слепыми могут остаться Занин и Лагойко.

Кеша вызвался проводить ребят, а мне нужно было доложить о выполнении задания. Подойдя к штабу, на входе столкнулся с Али Дуба.

Начальник военной разведки Сирии, молча пожал мне руку и слегка приобнял за плечи.

– Спасибо. Это была славная охота, – поблагодарил меня Дуба и ушёл к машинам. – До вечера, Александр.

– Вот сейчас не понял, господин Дуба? – удивился я.

– Ты зайдёшь в штаб и узнаешь, – улыбнулся Али.

Всё загадками да намёками эти разведчики говорят. Иногда прямо сильно напрягает.

Войдя в штаб, меня первым встретил подполковник Зуев. Он куда-то спешил, поэтому только похлопал меня по плечу.

В штабе со всех сторон громко звонили телефоны, а в динамиках докладывали лётчики о ходе выполнения задач. Борисов и, неизвестный мне, сирийский полковник в лётном комбинезоне, что-то активно обсуждали.

– Очень эффективно сработали. Докладывают, что удар был нанесён точно и качественно, – сказал сирийский полковник.

– Эти самолёты себя отлично зарекомендовали в Афганистане, – ответил ему Иван Васильевич и повернулся в мою сторону.

Генерал медленно подошёл ко мне. Я не успел ему доложить, как он крепко пожал мне руку.

– Молодцы, Клюковкин. Надеюсь, эти ваши очки или приборы вам не сильно навредили?

– Восстановимся, товарищ генерал.

– Само собой. Кстати, временно исполняющий обязанности главкома сирийских ВВС Абдель Махмуд.

Врио главкома был уже в годах. Волосы седые, как и усы. Взгляд карих глаз усталый, а его рукопожатие было не слишком крепким. Такое ощущение, что полковнику Махмуду пора в санаторий на реабилитацию.

– Майор Клюковкин, это был отличный рейд. Думаю, вы сможете обучить наших пилотов подобным способам ведения боевых действий, – улыбнулся Махмуд, но было видно, что ему и стоять-то тяжело.

– Спасибо, господин полковник. Если Родина прикажет, то и вас научим.

Махмуд посмеялся и начал кашлять. Он отошёл в сторону, чтобы нас не смущать.

– Самого немого поставили на должность. Выбора не так много теперь у сирийцев с командованием, – покачал головой Борисов.

– А в чём дело? Кто-то погиб или как? – спросил я.

Но в голове уже были догадки. Борисов их просто подтвердил.

– Арестованы многие сирийские офицеры из высшего командного состава ВВС. В частности, главком и ваш «приятель» Рафик Малик. Сливали всю информацию противнику.

Вот так расковыряло ведомство Али Дуба. А может, и какая другая спецслужба.

Теперь ясно, почему Малик свалил с задачи по сопровождению колонны. Она поменялась, и ему пришлось искать способы предупредить «хозяев».

– Кругом измена, трусость и обман, – тихо сказал я, процитировав императора Николая II.

Борисов подвёл меня к карте и рассказал о ситуации вокруг Рош-Пинна.

– Удар мы нанесли вовремя. Наступающие на аэродром войска понесли потери. Истребительная авиация противника была скована действиями наших Су-27 и МиГ-29. Ну и колонна дошла, – сделал довольное лицо Борисов.

– А что в Ливане?

– В долине Бекаа и вовсе фронт встал. Как на побережье, так и на подходах к Бейруту. Израиль дальше пройти вряд ли сможет, а сирийцы уже проводят контрнаступательные действия. В общем, война в тупике.

– Ощущение, что всё получилось. Так?

– Да. По непроверенным данным, начались контакты между представителями советского МИДа и Израилем, а также Сирией. Ну с Асадом мы контакта и не теряли. Понимаете, что это значит?

Мне было несложно сложить «два» и «два».

– Дело идёт к перемирию?

– Хоть и временному, но перемирию.

Глава 4

При одном только упоминании о перемирии вспоминаешь всё, что пришлось пройти за те дни или месяцы боевых действий, в которых участвовал.

Борисов смотрел на меня, ожидая, что я отвечу ему на эту новость. А у меня нужного варианта ответа и нет.

Радоваться? Так ничего ещё не ясно и не понятно, чем закончится это перемирие.

Переживать? Дело военного выполнять приказы, а не сопли жевать. Скажут соблюдать перемирие, значит, никто в воздух не поднимется.

Злиться, что не довели дело до конца? А никто нам и не сказал, какова конечная цель этой войны.

Наша задача была помочь Сирии выстоять. И на данную минуту мы с этой задачей справились.

– Как я понимаю, решение не окончательное? – спросил я, посмотрев в сторону.

Рядом со столом остановились два сирийских офицера и один наш военнослужащий.

– Много подводных камней, но решать будет руководство. Пока приказа прекратить боевые действия не было. Но и планировать «10 асадовских ударов», никто не будет, – ответил мне Борисов и повернулся к «зависшим» военным.

Никто ничего не сказал, так что пришлось Ивану Васильевичу взбодрить личный состав.

– Чего стоим? Перемирие ещё не наступило. Собираем доклады и делаем свою работу, – спокойно Борисов «подтолкнул» всех к действиям.

Народ быстро разбежался по рабочим местам, а Иван Васильевич продолжил разговор со мной.

– Что у вас с техникой и личным составом? – спросил генерал.

– Регламенты вышли на бортах. Повреждения есть, которые бы надо посмотреть. Личный состав готов, но сами понимаете, нужно передохнуть. Да и два вертолётá осталось. Можем только вести совместные действия с сирийцами.

К столу вернулся врио главкома ВВС. Он слышал фразу о двух вертолётáх.

– У нас не только два ваших вертолётá. Сирийские пилоты в полной готовности выполнять задачи, – сказал Махмуд.

– В этом я не сомневаюсь, господин полковник, – ответил я.

– Когда поступит приказ продолжить наступление, понадобится и ваша помощь. Поэтому мы все должны быть готовы мобилизовать усилия и... – уверенно начал говорить Махмуд, но потом резко замолчал, взглянув на Ивана Васильевича.

Борисов покачал головой, сложил руки на груди и начал ходить вокруг карты.

– Вы уверены, что это сейчас целесообразно? Мне уже интересно, какие доклады вы сегодня отправили в Генеральный штаб.

Абдель Махмуд закашлялся. Его седые усы будто бы зашевелились от волнения. Хоть он и был старше Борисова, но некая боязнь нашего генерала в сирийском полковнике проследживается.

– Не понимаю, почему вас это интересует.

– Всё очень просто. В ваших докладах о состоянии техники, личного состава и количестве авиационных средств поражения проследживается неверная оценка своих сил. Мало того, вы даже забыли, что у нас осталось 2 Ми-28, а не 4. Не прибавилось у нас вертолётá, верно, майор Клюковкин?

– Так точно, товарищ генерал, – ответил я.

Ой, что-то мне это напоминает! Плохо, если и «временный» главком замалчивает реальную обстановку. По таким докладам потом и принимаются неверные решения.

За начинающимся спором между Махмудом и Борисовым пристально наблюдают окружающие. Это не есть хорошо.

– Давайте мы с вами поговорим отдельно, Иван Васильевич, – сказал полковник Махмуд и пригласил Борисова отойти в отдельное помещение.

Иван Васильевич отпустил меня отдыхать, а сам направился следом за врио главкома сирийских ВВС.

Выйдя из штаба, я попробовал вдохнуть полной грудью сухой воздух окрестностей Изры. Получилось, но воздух оказался с ароматами выхлопных газов, керосина и солянки.

Осмотрев окрестности полевого аэродрома, я стал замечать, во что превращается эта территория. Ещё недавно это был пустырь, где в пору было нефть искать.

Сейчас же длинное шоссе заставлено целой вереницей вертолётов. Ещё несколько Ми-8 и Ми-24 стояли в поле на площадках из плит К-1Д.

На дороге начали запускаться два «шмеля» с двумя «пчёлками». Ми-24 и Ми-8 продолжали выполнять большой объём работы. В любой войне, начиная со второй половины 20 века, вертолёты – истинные рабочие войны.

Спецтранспорт продолжал развезать по песчаной земле, поднимая за собой клубы пыли.

Где-то сзади послышался громкий гул. Будто что-то огромное приближалось к площадке. Через несколько секунд над штабом пролетел Ми-6, выполняя посадку на большую площадку, специально сделанную под него в стороне.

Огромный исполин одновинтовой схемы выглядел «папой» в сравнении с остальными вертолётками. Ми-6 ещё не коснулся поверхности, а к нему уже выстроились грузовые машины.

На входе в медпункт встретил старых знакомых.

– Александр, рад видеть! – приветливо махнул мне Аси и направился ко мне навстречу.

Тут же из медпункта показался и его брат Диси. Он поспешил за братом, улыбаясь во все 32 зуба.

– Аль-каид, вы как? Ночью пропали, а потом нам говорят, что в Израиле радиолокационный пост кто-то разрушил, – пожал мне руку Аси.

– Действительно! Кто бы это мог быть? – усмехнулся Диси. – Аль-каид на таких полётах... эт... шакала глотнул!

Надо что-то с братьями делать. Наши поговорки и выражения они как-то неправильно выучили.

– Вообще-то, говорят «собаку съел», но в моём случае я ничего сверхъестественного не сделал, – ответил я Диси.

Тут на него стал «наезжать» Аси.

– Как так можно, брат?! Уважаемому человеку и шакала. Ты забыл, что нам мама сказала сделать?

– Точно. Аль-Каид, когда будете со своими людьми в Дамаске, к нам в гости зайдёте? Мама и отец очень просили. Они мечтают с русскими офицерами познакомиться.

– Почту за честь, – не стал я отказываться от приглашения.

Закончив разговор с братьями, я вошёл в палатку медпункта.

Если честно, ожидал расслабленной атмосферы. Я был уверен, что парням сейчас закапали глаза и они спокойно сидят или лежат на кушетках.

Возможно, другие медики женского пола сидят с ними рядом и слушают рассказы, как мои товарищи громили ночью врага.

Но всё было не совсем так.

Точнее, вообще не так!

– Как проводится медосмотр, товарищи лётчики? Что это за каракули в моём журнале?! Подсудное дело! – услышал я возмущения Тоси.

– Антонина Степановна, мы не виноваты вот честное слово. Думали, что Александр Александрович с вами этот вопрос согласовал, – сказал Кеша.

– Перекладывать вину на своего командира, Иннокентий, нехорошо. С Сашкой всё понятно. Он с правильного пути сбился и двигает это в массы, но вас это не оправдывает. У каждого из вас своя голова на плечах, в ней серое вещество, которым думать надо, а то деградируете.

– Что-то меня разморило совсем. Можно, мы к себе пойдём, а вы сами со своим жонихом разбирайтесь, – произнёс Лагойко.

– Чего? Не жених он мне, – пробурчала Тося.

– Да мы уже поняли, что скандалу быть, – парировал Лагойко.

– Это кого я с истинного пути сбиваю? – поинтересовался я с ходу.

Всех присутствующих аж передёрнуло.

Мои товарищи с закапанными глазами разместились на единственной кушетке. Кроме Кеши – он сидел на стуле с градусником подмышкой.

– На ловца и зверь бежит, – произнесла Тося и встала со стула.

Обойдя стол, она направилась в мою сторону, но резко развернулась лицом к Иннокентию, протянув перед ним ладонь.

– Градусник.

Кеша вытащил его из подмышки. Хотел посмотреть показания температуры, но Тося забрала прицокнув.

Быстро взглянув на градусник, Белецкая его стряхнула.

– Ну что там, всё в норме? – спросил Кеша.

– Не умрёшь.

– Мне кажется, что в медпункте остро необходимо присутствие ЛОРа. Кое-кому не помешало бы слух проверить. Я так-то вопрос задал, – произнёс я.

Ответом мне послужило полное игнорирование. Мои коллеги тоже молчали, набрав в рот воды.

Убрав градусник, Антонина поставила на стол рядом с Иннокентием маленький пузырёк и положила пипетки.

– Я заболел? – сглотнул Кеша.

– Нет. Это капли для глаз. Вечером ещё раз закапаете. Все можете быть свободны. Идите к себе, отдыхайте.

Раздался облегчённый вздох моих товарищей. Кеша подскочил со стула самым первым, снимая куртку со спинки стула.

– То обнимаются у всех на виду, по углам прячутся и целуются и в то же время не вместе, – сказал Лагойко Кеше.

Мои товарищи проходили мимо меня, стараясь не смотреть в глаза. Последним был Петров, который остановился рядом со мной.

– Извини, Саш, – тихо произнёс он и вышел из палатки, оставив меня с Белецкой наедине. Антонина заполняла журнал, сидя за столом. Её губы были плотно сжаты в полосу.

Я подошёл к столу и сел на стул.

– Ну и что это было? – спросил я, выхватив ручку.

– Ты почему меня не разбудил ночью? Что за самоуправство такое? Разве я позволяю себе в твоей лётной книжке что-то писать? Вот и ты в мои журналы не лез!

– Чего взъелась-то? Не выпалась?

– Не хаами!

– А ты тон сбавь! Зачем нервничать так по мелочам.

Тося тяжело вздохнула, прикрыла ладонями лицо и упёрла локти в столешницу.

– У Петрова проблемы с правым глазом уже два года. Нельзя ему было надевать очки ночного видения. Он, когда ВЛК проходит, с врачом договаривается. Не хочет, чтобы его с лётной работы списали. А сейчас он не видит на правый глаз. Я как, по-твоему, подруге в глаза смотреть буду? Что если зрение не вернётся.

Таак... Ну, Кеша!

– Он мне не говорил.

– Да кто о таком рассказывает?

– Ты не окулист. Официально, диагнозов у него нет. По глазу бы его не смогла оставить. Да и зная Петрова, он всё равно бы полетел на задачу. Война идёт. Там наши ребята погибали.

– Если бы не твоё самоуправство, я что-нибудь бы придумала, – сказала Антонина, хлопнув ладонью по столу.

– Так, поговорим, когда ты успокоишься, – сказал я, встав со стула и направившись к выходу.

Антонина подскочила следом.

– Подожди! А как же осмотр? У тебя самого-то как с глазами?

– Всё в порядке. Не переживай.

– Да постой же ты, – сказала Тося, перехватив меня за руку. – Не говори Петрову, что я тебе рассказала про глаз. Иначе я подругу подставлю. Она со мной по секрету поделилась своими переживаниями. Пообещай мне.

– Хорошо. Обещаю, за поцелуй, – улыбнулся я подмигнув.

– Это шантаж!

Антонина привстала на цыпочки и чмокнула меня в щёку.

– Слабовато как-то будет, – усмехнулся я.

– Ой, всё! Ты вроде бы уходить собирался, – произнесла Тося и подтолкнула меня в спину. – Капли не забудь закапать. У Петрова возьмишь.

До самого вечера я лежал в палатке и отдыхал. Никаких вызовов и встреч. Только тихое сопение, жара, и стук шашек в нардах.

Именно этот стук и побудил моего друга и штатного оператора сыграть со мной. У Иннокентия откуда-то появилась уверенность в том, что он сможет меня обыграть в нарды. Зря.

За поединком наблюдала вся палатка. Хотя это выглядело скорее как матч дворовой команды с чемпионами мира.

– Кеша, вот ты куда открыл эту дырку? – спросил у Петрова Занин, видя, что тот ходит неправильно.

– Вася, это тактика, стратегия и уловка в одном лице, – потирал руки Кеша.

Тут же я выбросил гош на четвёрки и закрыл эту дырку.

– Я ж тебе говорил, – похлопал Занин Петрова по плечу.

– А чего тогда сам так не играл? – возмутился Кеша, бросая кости.

Выпали тройка и пятёрка. Если правильно Кеша походит, то у него есть возможность избежать «домашнего марса» в конце этой партии.

– Да вот сюда. Ну! Кеша ты Кеша, – покачал головой Лагойко.

– Что Кеша? Ну что, Кеша?! У меня всё схвачено.

Так и продолжал думать Кеша, что у него «всё пучком», пока у меня не осталось четыре шашки до победы. Правда, стояли они на пятой точке. То есть, нужен был гош, чтобы сразу всё закончить.

– Может сдашься? – предложил я почётную капитуляцию Кеше.

– Нет. Очередного «домашнего марса» не будет, – проворчал Кеша.

– Ладно, – ответил я и бросил кости.

Выпало две шестёрки. На этом партия была выиграна.

– Что у нас со счётом? – спросил я.

– Общий счёт игры 0:7 не в пользу Иннокентия Петрова. Мда, были у его шансов возможности! – сказал Лагойко, пародируя Котэ Махарадзе.

Я протянул Кеше руку, и он её пожал, но не спешил отпустить. Наклонился ко мне ближе.

– Саньч, вот в чём секрет? Научи так играть. Я ж тут сижу, думаю, а всё равно ты выигрываешь.

– Думать надо меньше, а соображать больше. Вот как в полёте. Ты там отработываешь быстрее электронно-вычислительной машины. Так и здесь старайся, – ответил я.

В палатку заглянул сирийский солдат.

– Майор Александр Ключовкин, здесь? – спросил он на арабском.

– Да. Что случилось? – поднялся я с кровати.

– Вас ожидают в штабе.

Только начал привыкать к тому, что никуда лететь не надо. Но ещё не факт, что мне и сейчас прикажут подниматься в воздух.

На улице уже стемнело. Вертолёт мы ещё вечером перегнали на другой участок дороги, где их уже взяли под охрану советские солдаты.

Я посмотрел в сторону Голанских высот. Прошлой ночью было видно большое зарево, слышались выстрелы и грохот взрывов. Сейчас было не так громко, но война ещё шла. Шумели проезжающие машины и техника, светя фарами, а в небе на удивление не был слышен свист винтов вертолётов.

Солдата я отпустил, а сам пошёл к штабу. На входе меня встретил Казанов.

– Только не говорите, что вызывали меня вы, – ответил я.

– Вы сами догадались, так что ничего говорить не буду.

– Что случилось? – спросил я.

– Ничего особого. Хочу вам предложить проехаться и увидеть результаты нашей с вами общей работы.

– Вы мне копию договора о мире предлагаете почитать? Так его ещё никто и не подписывал, – ответил я.

Виталий Иванович улыбнулся и показал мне на припаркованный у штаба микроавтобус. Рядом ещё два автомобиля – пикап и внедорожник.

– Его и мне-то не дадут посмотреть. Так что есть кое-что другое, – сказал Виталий.

Казанов меня заинтриговал.

– Нам его отдали. Мне дадут с ним поговорить, а потом этот человек будет допрашиваться моими коллегами.

Похоже, что Казанов говорит о Евиче. Не думаю, что мне сильно нужна эта встреча. Перспектива посмотреть в глаза Иуде, продавшего страну за 30 сребреников, восторг у меня не вызывает.

Но желание вмазать Евичу есть.

– Только держите там меня, чтоб я его не убил, – принял я предложение Виталия.

– Само собой.

Дорога не была долгой. Евича держали под стражей в той самой тюрьме в Эс Сувейде, где мы уже были с Казановым. В первый наш визит у нас состоялась беседа со сбитым пилотом Блэк Рок Мегетом.

Въехав во двор, мы остановились у двери заднего входа. По знакомым коридорам с обшарпанными стенами шли медленно.

– Иваныч, а вы мне не расскажете, как у вас это получается? – спросил я, когда мы прошли один из постов

– Что именно? – уточнил Виталий.

– Открывать все двери без ключа. И даже в Сирии.

– Я просто слова волшебные знаю, – ответил Иванович с серьёзным видом.

– Например, «сколько это будет стоить» или «я всё Асаду расскажу»?

Виталий улыбнулся, но на вопрос не ответил. Понятно, что КГБ и сирийский мухабарат работают сообща. Но просто так иностранцев к пленным лётчикам бы не пускали.

Мы подошли к двери допросной и остановились. К нам подошёл сириец из Управления политической безопасности страны. Тот самый Рустум, с которым я уже пересекался.

– Поздравляю, Виталий. Думал, что уже не приедешь, – поздоровался он с каждым из нас.

– Ну, ты ж меня знаешь. Много дел.

– Когда перевозить будете? – спросил Рустум.

– Сегодня ночью.

Сириец кивнул и пропустил нас к допросной. Дверь скрипнула, как только Казанов её потянул на себя.

Мы вошли в комнату, где уже сидел Евич. Выглядел он не так уж и плохо. Вид опрятный. Лётный комбинезон, в котором его подобрали, постиранный и хорошо на нём сидел.

На лице ни царапины. Взгляд был презрительный, а губы слегка вздрагивали при каждом вздохе. Кулаки он сжимал настолько сильно, что на тыльной стороне ладони набухали вены.

– Пришли, значит. Что случилось, товарищи? – спросил Андрей.

– Ничего. И мы вам не товарищи, гражданин, – ответил ему Казанов и сел напротив Евича.

Я сел рядом, но с трудом сдерживал себя, чтобы не разбить лицо Андрею. Казанов выдержал паузу и посмотрел на меня.

– Гражданин Евич, я уполномочен довести до вашего сведения, что вам предъявлено обвинение...

– Я не признаю ваших законов. Вы разговариваете с гражданином Соединённых Штатов Америки. Мною уже был сюда затребован консул, – перебил его Евич.

Виталий выдержал секунду и продолжил.

– Вам предъявлено обвинение согласно Уголовного кодекса РСФСР по статьям...

– Да мне плевать, мистер Казанов. Ваши законы на меня не распространяются, – вновь Евич перебил Ивановича.

Но Казанов был непреклонен и зачитал весь список статей, по которым Андрею предъявляют обвинение. Их было достаточно, чтобы получить высшую меру наказания.

– У вас есть что сказать? – спросил Виталий, но Евич только ухмыльнулся.

Похоже, он не верит в то, что его сейчас могут вывезти в Союз. Сильно ошибается.

– А ты, Сашка, чего смотришь? Ну, спрашивай чего хотел. Где бы мы с тобой ещё пообщались.

Казанов посмотрел на меня и молча кивнул.

– У меня один вопрос – каково это – стрелять в своих? – спросил я.

В глазах Евича заиграли огоньки, а рот расплылся в улыбке.

– Легко. Это у тебя есть только Устав, кодекс, правила, знамя с серпом и молотом и «Слава КПСС». А я свободный человек. И с деньгами.

– Причина в деньгах? – уточнил я.

– В больших деньгах. Тебе не понять, Саша. Мне позволили творить, жить, как я хочу. Не между молотом и серпом, как у вас, а как нормальные люди живут. По закону. А что в Союзе? Партия – наш рулевой, – рассмеялся Евич.

Больше с ним не о чём говорить.

– Знаешь, я раньше думал, ты гнилая тварь, а ты оказался продажной сукой. У меня всё, Виталий Иванович.

Дверь в допросную открылась, и в комнату вошли двое парней в гражданке. Рослые и крепкие. В руках у одного из них наручники.

– Мы готовы, Виталий Иванович. Вот документы.

– Отдадите их Римакову. Он будет в самолёте. Забирайте, – спокойно сказал Виталий. Двое вошедших быстро подошли к Евичу и надели наручники. Тут к нему и пришло понимание.

– Что... что это? – начал брыкаться Андрей.

Теперь в нём уже не было той уверенности и надменности.

– Я вас спрашиваю, что это?! – зарычал Евич, когда его подняли на ноги.

Казанов медленно повернул голову в его сторону.

– Возмездие.

Глава 5

Евич попытался вырваться, скользя ногами по каменному полу. Но из плотных «тисков», в которых его удерживали подручные Казанова, сделать это было не так уж и просто. Не настолько силён Андрей, чтобы разбрасывать людей в стороны.

– Это незаконно! Где консул?! Я гражданин Соединённых Штатов... – продолжал кричать Евич, когда его выволокли в коридор.

Тяжёлая дверь захлопнулась, а из коридора ещё доносились удаляющиеся от допросной, истерические вопли. Я собирался уже встать с места, но у Казанова было на этот счёт иное мнение.

Он просто сидел и смотрел на пустой стул, где только что сидел Евич. Я не собирался отвлекать его от размышлений. Наверняка, поимка и депортация Евича и для Виталия Ивановича были делом чести.

– Знаете, а ведь ничего не поменялось, – тихо сказал Казанов.

– В каком смысле? – уточнил я.

Виталий сразу не ответил. Он поставил локти на стол и упёрся подбородком в ладони.

– Дело сделано, а изменить уже ничего нельзя. Всего один человек, поддавшийся искушению красивой жизни, и сколько судеб сломано.

Виталий достал из кармана пачку сигарет и закурил прямо в допросной.

– 70 человек были уволены из своих ведомств. 25 из них получили судебные сроки. Ещё 84 лишились должностей и уже больше их не займут никогда. И ещё 15, кого уже не вернуть, – сказал Виталий и замолчал.

Судя по всему, число «15» означало тех, кто погиб в результате действий Евича.

– Ваш оператор Петруха в их числе, – вновь заговорил Казанов.

Он затушил сигарету и бросил её в урну.

– Нам с вами пора.

Я и Виталий вышли из комнаты для допросов и направились к выходу, где нас уже ждал транспорт. Оказавшись на улице, появилось ощущение, что чего-то не хватает.

Слишком тихо. Неслышно взрывов, стрельбы и на западе нет зарева. Моё замешательство не осталось незамеченным Казановым.

– Что-то не так, Александр?

– Да. Слишком тихо. Такое ощущение, что...

– Вы правильно думаете, Сан Саныч. В 0:00 часов стороны конфликта объявили о приостановке боевых действий на всех направлениях. Без предварительных условий. Так что, всё идёт к миру, – похлопал меня по плечу Виталий и пошёл со мной в направлении машины.

Перемирие, о котором не говорили только собаки на аэродроме, продолжало держаться. Прошёл день, но всё было спокойно. Редко можно было услышать автоматную очередь где-то совсем далеко.

Я не возражал против того, чтобы мы немного отдохнули и культурно посидели за чашами ароматного и расслабляющего чая.

Правда, утром на завтрак пошёл только я, но это уже издержки «чаепития».

Пока я принимал пищу, посыльный нашёл меня. Причина – вызов в штаб генералом Борисовым.

Как сказал мне солдат, «руси генерал мусташар» только что прибыл из Дамаска и был в хорошем настроении. Войдя в штаб, я застал Ивана Васильевича за разбором бумаг со сводками о работе авиации за сутки.

– Сан Саныч, чем занимались в эти свободные от войны полтора дня? – поздоровался он со мной за руку, когда я подошёл к нему.

– Товарищ генерал, провели первый день общей подготовки с лётным составом, а инженерно-технический состав выполнил день работ на авиационной технике.

– Ясно. И много употребили... знаний во время общей подготовки? – спросил Борисов. Генерала трудно обмануть. Он не первый год живёт. Да и в армии не первый день.

– Исключительно в разрешённых объёмах, товарищ генерал.

– Ну-ну, – кивнул Иван Васильевич и встал со стула. – Сегодня необходимо перегнать Ми-28 отсюда в Тифор. Достаточно они послужили.

– Понял. Вылет по готовности? – уточнил я.

– Само собой.

Борисов меня отпустил, но я решил, что следует поговорить о ещё одном немаловажном деле.

– Иван Васильевич, мы ничего не знаем о наших раненых товарищах. Есть информация? – спросил я.

– Да. Жить будут, но летать нет. У каждого слишком серьёзные ранения. Зелину и вовсе ампутировали кисть руки. Так что, наша страна лишилась двух первоклассных лётчиков.

Грустно это слышать.

– Кстати, прочитайте вот это, – протянул мне лист бумаги Борисов.

Это была телеграмма из Москвы. В ней говорилось, что аппарату военного советника предписано проанализировать целесообразность нахождения советской авиагруппы на территории Сирии.

– Странный запрос, товарищ генерал, – ответил я.

– Вот и я про то же. Но мы люди военные, верно? Сказали – делаем.

– Так точно.

– Твоё мнение?

Понятно, что мне льстит такое внимание со стороны Борисова. Такие вопросы, касающиеся целого воинского контингента, обычно даже не всем генералам задают.

– Товарищ генерал, всей обстановки на фронте я не знаю. Но что я знаю точно, перемирие – не подписание мирного договора.

– Его подпишут. А потом начнут готовиться к новой войне. И так всегда.

Генерал отпустил меня на подготовку к перелёту. Выйдя на улицу, я немного постоял, посмотрев на окружающую обстановку.

Яркое солнце Сирии припекало, а знойный ветер прижигал щёки. Сирийские техники возились со своими машинами, а наши сидели под навесом и что-то активно обсуждали.

Со стороны нашей палатки ко мне быстрым шагом шёл старший испытательной бригады.

– Сан Саныч, мы тут команду получили. Пора собираться? – уточнил он.

– Да.

Днём все вещи были погружены в огромный Ми-6, а техсостав подготовил для нас Ми-28 для перелёта. Оставалось пройти традиционный предполётный медосмотр.

Взяв два апельсина с шоколадкой на презент, я пошёл к Белецкой. Как и всегда, я замыкал нашу группу. Пока ждал окончания медосмотра Кеши, думал над тем, куда можно пригласить Белецкую на свидание.

А чего тянуть кота за «причинное» место, когда мне эта девушка нравится! Красивая, умная, заботливая. Да, иногда вызывает желание ей ногу прострелить, но я ж быстро отходчивый.

Но есть что-то в Антонине, что определённо меня к ней влечёт.

Когда Кеша закончил, вошёл я. И был неприятно удивлён.

– Сан Саныч, а чего отдельно зашли? Могли бы всей группой, – спросил у меня... доктор.

За столом сидел мужчина лет пятидесяти с настоящими «будёновскими» усами и приветливо мне улыбался. Ничего плохого про этого добряка сказать не могу, но я ожидал другого человека здесь увидеть.

– Здравствуйте! Самочувствие хорошее, предполётный режим не нарушал, – ответил я традиционным докладом.

– Присаживайтесь, Сан Саныч. А это вы мне апельсины принесли? Я, кстати, их люблю, – едва сдерживая улыбку, спросил врач.

– Получается, что вам, – ответил, и мы вместе посмеялись.

– Ладно, давай осмотрим тебя и отправим в путь. Возможно, скоро домой полетите?

– Пока таких команд не поступало.

Доктор улыбнулся, пошевелив усами, и надел мне рукав тонометра. Быстро измерив давление, он записал мои показания в журнал.

– 120 на 80. Это хорошо. Жалобы есть? – спросил доктор.

– Нет. Хотел бы у вас утонить, а где сержант Белецкая?

– Вы не первый, кто за сегодня задаёте этот вопрос. Антонина – девушка видная. Эх, где ж мои годы молодые... Она срочно вызвана в Дамаск. В «белый дом». Лично заместитель главного советника по политической работе звонил и сказал её немедленно освободить от всех задач.

Так-так! Интересно, и часто вот так её вызывают в столицу?

– Понял вас. Всего вам хорошего, – ответил я и встал со стула.

– Александр, дело не моё, но вижу, что ты мужик хороший. Поэтому предупредить хочу. Поговаривают, что у неё большая любовь приключилась. Возможно, стоит к кому-то другому присмотреться. Она у меня на хорошем счету, и мне не хотелось бы проблем со стороны...

– Спасибо за совет. Не беспокойтесь, с Антониной Белецкой меня связывают исключительно рабочие отношения.

– Ну вот и славно. Рад, что мы с вами друг друга поняли, поскольку я её к вам в Тифор собираюсь отправить.

– Да не торопитесь. Пускай все поставленные в Дамаске задачи выполнит, – ответил я и отправился на вертолёт.

В груди неприятно завозился червячок. Ну а на что я собственно рассчитывал? Мы с ней долго не виделись. Не муж и жена. Свободные люди. Каждый из нас имеет права на отношения.

И всё равно мысль, что к ней прикасается другой мужик, раздражает.

Мда, заставил доктор «Будённый» задуматься.

Придя к вертолёту, я быстро надел подвесную систему и автомат. Инженеры смотрели с недоумением, как бы спрашивая, зачем он мне нужен при полёте над территорией Сирии.

– Саныч, вроде же начинаем мириться уже? – спросил один из техников.

– Пока только начинаем. Ничего. Не сильно тянет, – ответил я и полез в кабину.

Кеша уже занял своё рабочее место, а вот я почувствовал изменение у себя. Дело касалось запаха в кабине. Ощущение, что я где-то рядом с раздачей пищи в плохой курсантской столовой нахожусь.

– Кеша, а у тебя тоже в кабине запах, как в столовке? – спросил я.

– Ага. Такое ощущение, что под креслом что-то разлили.

Я осмотрел кабину и не нашёл источника запаха. Затем взглянул на остекление кабины, которое было хорошо очищено от остатков мух и мошек. И именно после этого меня посетила мысль, откуда такой аромат.

– Други, а вы чем стёкла протёрли? – спросил я у техников, выглядывая из кабины.

– Уксусом, Сан Саныч. Просто нечем было. А тут новая технология! – поднял один из техников указательный палец вверх.

– Технологии новые, а схемы у вас старые. Спирт где? – уточнил я.

Техники промолчали. Естественно, что прозрачная жидкость была применена по прямому назначению.

Через полтора часа мы приземлились в Тифоре. Работа на этой базе шла своим чередом. Истребители МиГ-23 выруливали на полосу, а МиГ-29 с подвешенными ракетами стояли в готовности к запуску.

Из транспортных самолётов на базе были только один Ил-76 и один Ан-26. И то, у последнего сняли двигатели.

В одно из арокных укрытий тягачом заталкивали одного за другим пару Су-25. Эти самолёты в Сирии должны были появиться гораздо позже.

– Штурмовики интересно, как сюда попали? – спросил у меня Иннокентий, когда мы заруливали на стоянку.

– По воздуху, Кеш. Наверняка их в районе Рош-Пинна задействовали, – предположил я.

– Саныч, мы вот опять прилетели сюда на Тифор. Обрато нас не направят? – с удивлением спросил Кеша.

– У нас ничему нельзя удивляться.

Рядом со стоянкой стоял УАЗ с двумя офицерами в сирийской форме. Пока я общался с техниками, один из них подошёл ко мне и поздоровался.

И я этого парня узнал. Это оказался тот самый старлей, который в Эс Сувейде ходил везде с военкором Алексеем Карелиным.

– Товарищ майор, старший лейтенант...

– Балдин. Помню тебя. Здоров! – протянул я ему руку.

– Здравия желаю! – вытянулся старший лейтенант, но я его остановил.

– Давай без комплексов вольных упражнений, Балдин. Весь во внимании, – сказал я, после того как пожал руку технику.

В прошлый раз этот старлей даже попытался меня построить, не зная моего звания. Сейчас как-то он слишком напряжён.

– Александр Александрович, мне поручено заместителем главного советника по политической работе собрать данные на проявивших себя военнослужащих.

– Это хорошая идея. Я тут при чём?

– Так... на вас данные нужны.

– Только на меня?

– Так точно, – неуверенно сказал Балдин.

– А что по другим техникам, инженерам, лётчикам ничего не нужно?

Балдин вытащил платок и вытер вспотевший лоб.

– Сказали, что только на вас. Мол... ну там ограниченное число нужно подать.

– Так дело не пойдёт. А ну пошли. Всё мне расскажешь, – ответил я и потянул за собой Балдина.

Пока мы шли к машине, он мне всё рассказал. В Москве дали указание прислать имена отличившихся, но не всех. Как так можно было, я не понял.

Не так уж нас здесь и много. С ребятами из авиационной промышленности дело обстоит посложнее – там за подачу представления отвечает Минавиапром. Но с военными ведь можно решить вопрос и через главного военного советника Яковлева, который напрямую замыкается на Министра Обороны.

Стоя рядом с УАЗом, я постарался объяснить парню, как лучше сделать. А точнее, как будет правильнее.

– Значит, смотри, пишем с тобой рапорт. Медали и ордена ставим по максимуму, чтобы если что просто понизили планку наград. Пишем представления, характеристики и что там нужно по партийной линии. Проверяем, и ты с этим идёшь к замполиту полковнику... – я специально остановился, чтобы Балдин ответил.

– Виктору Михайловичу Мельникову.

– Вот именно. А теперь бери листы, ручку и пошли к нам в «высотку», – сказал я и потянул за собой Балдина.

Расположившись и приведя себя в порядок, я посадил за стол старшего лейтенанта и ждал, пока он сочинит хоть одно представление. При этом техники и лётчики отдельного вертолётного отряда на Ми-8МПП-1 тоже принесли список своих ребят.

На высоте всё это время жил и наш Валера Зотов. Он не летал с нами во время операции, а работал направлением по авиации на КП. Много интересных моментов поведал Валера, пока я ждал Балдина.

– Всё очень быстро развивалось. Как только десант взял аэродром, израильтяне сразу же обратились к американцам. Те подняли бучу и оборвали все телефоны. В Москве и Дамаске решили выждать паузу. Только когда стало понятно, что Голаны фактически освобождены, а Рош-Пинна контролируется, начались переговоры.

На кроватях в это время расположились также Занин, Лагойко и Кеша, наблюдавшие за современной версией картины «Запорожцы пишут письмо турецкому султану».

– Итак, что ты придумал для старшего инженера? – спросил я.

– Читаю, – ответил Балдин.

Но лучше бы он вообще ничего не писал. Сочинитель из этого старлея совсем никакой.

– «Выполнял поставленные задачи, обеспечивал выполнение задач по предназначению, руководил личным составом при выполнении задач, а также...» – читал Балдин, но я его прервал.

– «А также выполнил ещё кучу задач». У тебя любимое слово «задача»? – спросил я.

– Ну, я чтоб было понятно.

– Не-а, Балдин. Такое представление займёт почётное место не в Президиуме Верховного Совета, а в урне у замполита. Ну, или в другом месте. Зачёркивай и пиши. Слово в слово.

Тут моя фантазия и разыгралась по полной.

– «Своими действиями организовал постоянное обслуживание сложнейшей авиационной техники и своевременную подготовку к боевым вылетам. Несмотря на противодействие разведывательно-диверсионных групп противника...»

– Серьёзно? Настоящие диверсанты? – удивился Балдин.

Кеша и сам сначала не понял, а потом еле сдержал улыбку.

– Балдин, всё серьёзно. Пиши, как я говорю, и не сбивай. Итак... «обеспечил выполнение 10-ти»... нет, мало. «50-ти боевых вылетов. В ходе вылетов были выведены из строя и уничтожены...».

Вот в таком ключе мы и написали на каждого из ребят представление. На погибшего Горина, как объяснил Балдин, представление замполит писал сам.

– Его представят к ордену Ленина посмертно. Это решение главного советника.

Что тут сказать, достойнейшая награда.

– А что с Зелиным и Лагойко? – спросил я.

– Эм... я их не знаю.

– Так значит давай писать дальше. И будешь героев знать в лицо.

Естественно, что представление на Героя Союза в комнате здания высотного снаряжения мы не напишем. Но уже будет с чем идти к тому же Борису или замполиту. В Иване Васильевиче у меня есть уверенность, что наши интересы он будет отстаивать.

До поздней ночи писал Балдин наши «подвиги». В результате у него на руках была большая пачка бумаг.

– Сан Саныч, а вы не зам по политической работе в Торске? – спросил у меня Балдин, разминая пальцы, которые устали от писанины.

– Нет. Ты же писал на меня представление и знаешь мою должность, – улыбнулся я.

– Да у меня уже в глазах двоится от «инженеров комплексов», «техников» и «штурманов», – ответил Балдин.

Занин предложил чуть-чуть «посидеть», чтобы ночью хорошо спалось.

– Нет, спасибо товарищи. Мне в Дамаск ещё нужно попасть... – отказывался Балдин от рюмки благородного напитка.

Но просто так старлею никто не дал уйти. Появились и ребята самолётчики, которые принесли свои списки.

– Вынужден согласиться, – сказал старлей и выпил стопку.

Так никуда Балдин и не поехал, зато представления были написаны на весь советский контингент в Сирии. По крайней мере на тех, кто был в Тифоре.

Бросать старшего лейтенанта на амбразуру замполита я не хотел, так что утром поехал с ним. Через пару часов мы стояли у дверей кабинета Мельникова.

Точнее стоял я, а Балдин сидел на стуле рядом с дверью и спал. Только я собрался постучать, как дверь открылась, и из кабинета вышел Борисов.

– Здравия желаю, Иван Васильевич, – поздоровался я с генералом.

– Привет, Александр. Хотел тебя на завтра вызвать, а ты уже здесь. Какими... – начал спрашивать генерал, но в этот момент Балдин громко икнул.

Старший лейтенант попытался встать, но получилось это у него не сразу. Генерал показал Балдину сесть, и вопросительно посмотрел на меня.

– Что скажешь, Клюковикин?

– Вчера политзанятие проводили. И парковый день был.

– И какая была тема занятия?

– Сплочение воинских коллективов и борьба с неуставными взаимоотношениями.

Иван Васильевич улыбнулся.

– Вижу, что сплочение удалось. Что-то хотел спросить?

Я рассказал Борисову про то, чем занимался вчера с Балдиным, и показал стопку бумаги старшему советнику.

– Не надо тебе к замполиту. Список есть личного состава, на который написаны представления?

– Так точно.

– Пошли со мной. Есть ещё для тебя кое-что.

Балдина я передал в руки его сослуживца по политотделу, а сам быстро догнал генерала на лестнице. Направлялись мы с Борисовым в кабинет к главному советнику Яковлеву.

Оказавшись перед генерал-полковником, я представился ему, а он поздоровался со мной. Яковлев внимательно посмотрел на меня и продолжал слушать, как меня хвалит Борисов.

– Значит, на вашем борту впору звёзды за сбитые рисовать? – спросил генерал-полковник.

– Это была работа всей группы.

– Да. И к сожалению, мы с вами потерь не избежали. Противник был силён, верно?

– Так точно, – ответил я.

Яковлев подошёл к своему рабочему месту и взял лист бумаги. Это был официальный документ на арабском языке за подписью самого президента Сирии Хафеза Аль-Асада.

– Знаете, что это? – спросил Яковлев.

Я быстро перевёл название.

– Это указ о присвоении звания Героя Республики.

– Верно. Там есть и ваша фамилия. Поздравляю, – пожал мне руку главный советник.

Глава 6

Егор Гаврилович отпустил мою руку и сел за стол. Я же перечитал указ сирийского Верховного Главнокомандующего. В нём и, правда, был я, а также ещё несколько знакомых мне фамилий.

– Сирийское руководство в лице президента Асада высоко оценило помощь наших военных специалистов. Вас в том числе, – сказал главный военный советник, присаживаясь на своё место.

В тексте указа я нашёл и Владимира Горина, которому звание Героя Республики присваивается посмертно.

– Нашли Горина? – спросил Яковлев.

– Так точно.

– За него награду примет наш посол. И... за каждого из вас, – выдохнул генерал-полковник.

Тут я несколько опешил. Выходит, что мне и моим товарищам награды вручат «втёмную». Чтоб никто не видел.

– Нас стесняются? – спросил я.

Яковлев поджал губу и посмотрел на Борисова. Старший советник главкома ВВС положил на стол стопку представлений к наградам и отклонился на спинку стула.

– Это не наше решение, Александр Александрович. Руководство решило, что вам награды будут вручены позже. В более... подходящей обстановке, – сказал Иван Васильевич.

Странное решение со стороны руководства. Всё же, в боях с Израилем плечом к плечу бились и наши танкисты, и расчёты ПВО. Вполне нормально, что сирийская сторона собирается нас отблагодарить.

– Эти награды нам вручает сам президент Сирии. Думаете, ему не покажется странным, что кто-то один оптом заберёт все ордена? – уточнил я.

Иван Васильевич посмотрел на Яковлева, ожидая его ответа. В Сирии главный военный советник из Советского Союза являлся серьёзной фигурой. Одобрения действий со стороны посольства ему ждать не нужно было.

– К чему вы это? – спросил у меня Егор Гаврилович.

– В этом списке есть военнотружачие и гражданские специалисты, которые участвовали в операции по эвакуации «той самой» группы спецназа, – ответил я.

Намекал я на то, что и Вася Занин, и Ваня Зелин, и Володя Горин помогали спасать Базиля Асада. Уж таким людям Хафез однозначно захочет выразить благодарность лично.

– Предложение резонное, – спокойно сказал Борисов.

Яковлев несколько секунд подумал, прежде чем дать ответ.

– Хорошо. Убывайте в расположение вашей группы и ждите вызов. А куда – дворец президента или какое другое место, доведут позже.

Я кивнул, но был ещё один небольшой момент, который нужно уточнить.

– Понял. Тогда разрешите вопрос, что с представлениями, которые лежат у вас на столе?

– Какие представления? Эти? – удивился Яковлев, и Борисов указал главному советнику на стопку бумаги.

– Так точно, товарищ генерал-полковник.

Яковлев надел очки для чтения и принялся листать список личного состава на награждение.

– Здесь много. Предлагаете наградить всех?

– Работы было много. В той или иной степени, отличился каждый из списка.

– Я вас услышал. Вы свободны, товарищ майор.

Выпрямившись, я попрощался с генералами и вышел из кабинета. К вечеру добрался до Тифора, где обстановка была мирная и спокойная.

Вертолёты Ми-28 были спрятаны в арочные укрытия. Самолёты стояли зачехлённые, а всё вооружение с них снято. Ну и личный состав проводил время в тени под навесом, обсуждая, чем себя занять.

Но для моей группы дело нашлось быстро. Утром на базу Тифор приехал замполит – полковник Мельников Виктор Михайлович. Он довёл, что завтра личный состав должен прибыть в резиденцию Хафеза Асада для вручения государственных наград.

В список награждаемых попали все мои лётчики и несколько человек из группы истребителей.

Инструктаж, который затеял Мельников в классе предполётных указаний, был весьма содержательный.

– Вы будете находиться на официальном приёме у Верховного Главнокомандующего Хафеза Асада – близкого друга нашего государства, – объявил он, прохаживаясь вдоль стены.

– А как к нему обращаться? – спросил Занин.

– Лучше не обращайтесь, Василий. Пускай он сам у вас что-нибудь спросит.

– Ясно, – кивнул Занин, сложив руки на груди.

– Стандартное требование – говорить только на русском. Иначе что-нибудь ляпните не то, а потом придётся объясняться с сирийцами. Мол, не так выразились, – продолжил Виктор Михайлович. – Сан Саныч, и вас это тоже касается. Понимаю, что ваши знания арабского языка весьма солидные, но постарайтесь не выделяться на общем фоне.

– Приложу все усилия, товарищ полковник, – ответил я.

– Ох, и сомневаюсь. Далее.

Мельников продолжил инструктировать и перешёл к информированию о порядках на Востоке. О чём можно говорить, а о чём лучше промолчать.

– Вести себя адекватно, вопросов дурацких не задавать.

– Товарищ полковник, разрешите вопрос? – поднял руку Кеша.

Почему-то я подумал, что сейчас не стоит ему задавать вопросов.

– Разрешаю, товарищ капитан.

Кеша встал и с серьёзным лицом спросил:

– А банкет будет?

По классу прокатились едва слышимые смешки. Ну не мог Кеша не спросить о еде даже в такой момент.

– Петров, вот это был дурацкий вопрос. Будет.

Кеша сел на место. Его счастью не было предела.

– Наконец-то! А то всё консервы да галеты. У меня уже запор размером с... – шепнул мне Иннокентий.

– Без подробностей, брат, – остановил я откровения Кеши.

Полковник Мельников подошёл к своему портфелю и достал из него листок.

– Теперь самое главное. Все знают, кого и чем награждают? – спросил замполит.

Пришлось ему довести весь список. Оказалось, что среди всех только погибший Горин, Занин, находящийся в больнице Зелин, и я представлены к званию Героя Республики. Остальным были положены ордена и медали.

– Так..., а где товарищ Белецкая? Клюковкин, вы что-нибудь о ней знаете? – спросил Мельников.

Как бы много чего, но явно не её местонахождение. Вот только непонятно, какое отношение Тося имеет к нашему инструктажу. И не менее интересен тот факт, что вопрос о месте нахождения Белецкой был задан мне.

– Не могу знать. Она не в моём подчинении.

– Ясно. Думал, что подойдёт. Для информации, сержант Белецкая, представлена к высокой награде – орден «За храбрость».

Ого! Все в классе были в шоке.

– Молодец, – едва слышно я произнёс вслух.

– Под угрозой клизмы небось себе выбила. Пробивная она всё-таки, – посмеялся Кеша.

– Не говори ерунды. Она честно заслужила, – поправил я товарища.

Кеша скривился, но спорить не стал.

На следующий день я надел парадную форму, которую нам всем выдали с вечера. Мы вышли на улицу и загрузились в автобус.

– Почему не едем? – поинтересовался Кеша у водителя.

– Ещё не все пришли, – получил он ответ.

– Ты чего такой нетерпеливый? Белецкая ещё не пришла, – сказал я Петрову.

– Да не могу я уже. Щас сдохну, – пробурчал Иннокентий, утирая платком пот со лба.

– Всем жарко. Кительними, если невмоготу. Как подъезжать будем, наденешь.

Через пять минут Антонина вбежала в автобус,.

– Здравствуйте. Извиняюсь за опоздание. Задержали, – произнесла Тося и приземлилась рядом со мной.

Она была по форме – белая рубашка, галстук, юбка оливкового цвета и чёрные туфли. Волосы заплетены в косу.

Шлейф от парфюма её духов заполнил весь автобус. Цветочный запах, с примесью фруктов мне нравился.

– Мне тоже награду дадут. Представляешь? – радостно прошептала мне на ухо Тося, обдав горячим дыханием.

– Поздравляю. Горжусь тобой, – искренне ответил я и улыбнулся. – Пусть будет не последняя.

– Ну нет, пусть лучше последняя. Меня не тянет на подвиги и риски. Другого хочу.

– И чего же? – спросил я, подхватив её косу и наматывая кончики волос на свой палец.

– Тишины хочу. Спокойствия. Любимый мужчина, чтобы был всегда рядом. А ещё домой тянет. На Родину, – сказала Антонина и выдернула косу из моих рук, перекинув за спину. – Слушай, а почему Петров опять недовольный?

Взглянул на Кешу, закатывающего глаза.

– Не обращай внимания. Он по жизни такой. Ну и жарко ему в придачу.

Резиденция президента Сирии Хафеза Асада скромно расположена прямо среди жилых домов. Это тот самый дворец Тишрин, который больше всего любил Хафез, а потом и его преемник Башар.

Недалеко отсюда уже началось строительство нового дворца президента. Говорят, его спроектировал какой-то японский архитектор.

Дворец Тишрин представлял собой светло-жёлтый особняк на склоне холма. Подъехав к воротам, я заметил, через дорогу многоэтажные дома, жители которых, в принципе, могут заглядывать прямо в окна главе государства.

– Все готовы? – громко спросил у нас генерал Яковлев, заглянув в автобус. Он с замполитом Мельниковым приехал раньше, и они ждали нас.

– Так точно! – хором ответила вся наша делегация.

Мы вышли на улицу. Пройдя через большие ворота, нас сразу отправили на процедуру проверки. Как обычно – всё оставить при входе, фото и видео камеры не брать.

При входе во внутреннюю территорию дворца огромный портрет самого Хафеза Асада. Во внутреннем дворе был ухоженный газон и несколько фонтанов. Весь комплекс занимает от силы полгектара. Сама же резиденция в центре всего великолепия. Ощущение, что попал в восточную сказку.

Помощник президента и министр обороны Мустафа Глас встретили нас у входа в здание резиденции. Они пожали руки с главным военным советником, а остальных удостоили приветственных слов.

– Нам сейчас нужно подняться на второй этаж и дождаться президента. Прошу за мной, – позвал нас помощник Асада.

Больше всех переживала Антонина. Ещё бы! Она тут единственный представитель женского пола.

Внутри резиденция, как и положено, сделана в арабском стиле. Колонны и арки тёмного дерева инкрустированы перламутром, под потолком хрустальные разноцветные люстры. На стенах – картины. Причём как и на пропускном пункте, так и в особняке, предпочтение явно отдаётся современной живописи.

– Это картина «Утро», – показал нам помощник Асада на жутковатое зелёное полотно с непонятной фигурой.

Задерживаться, чтобы осмотреться вокруг, при проходе через резиденцию не рекомендуется. Охрана идёт рядом, не давая замедлить шаг.

– Президент ждёт вас, давайте поторопимся, – подгонял нас помощник.

Тося шла со мной рядом, нервно оглядываясь назад.

– А если я в туалет захочу? – шепнула она, посматривая на преследующих нас охранников.

– Тебя проводят. Таким же конвоем, – ответил я, намекая, что и в туалет без охраны не пустят. В идеале потерпеть, чтобы не задавать «дурацких» вопросов, по мнению замполита. Кстати, я обратил внимание, что он постоянно не сводит с неё глаз, а вот с её стороны этого нет.

Даже когда появляется возможность притормозить, спиной чувствуешь, как за каждым твоим шагом следит охрана, хотя впрямую никто не смотрит.

Мы поднялись на второй этаж. Из окон была видна часть Дамаска. Остальное закрывают строящиеся новые высотки.

Наконец, мы добрались и до зала приёмов. Красивейшее помещение, в центре которого уже выставлены столы и всё готово к награждению. Нас построили напротив места награждения, на заднем фоне которого флаги Сирии и Советского Союза. А на стене висят портреты Хафеза Асада и Константина Черненко. За небольшой трибуной помощник, проверяющий настройку микрофона и сценарий награждения.

Все уже стояли в напряжении. Тося постоянно что-то поправляла на себе, и прижималась ко мне плечом.

– Ты хорошо выглядишь, – шепнул я ей. – Старайся не соприкасаться со мной.

– Почему? – резко напряглась Антонина.

– Мы не в Союзе. На нас смотрят.

– Кхм-кхм, – показушно покашлял замполит, намекая на разговорчики.

– Тебе кажется. Кстати, сколько у тебя наград уже было?

– Потом, – прошептал я.

– Почему? Делегация же ещё не пришла.

На заданный Тосей вопрос я не ответил.

– Ты меня игнорируешь? – произнесла Антонина, ткнув мне в плечо локтём. – Вообще-то, я волнуюсь. Умеешь ты поддержать.

Обиделась. Не, ну точно обиделась. Челюсти плотно сжала, и глаза мокреть начинают.

Большие двери в зал распахнулись. Вошёл Хафез Асад, приветливо махая всем рукой. С ним вошла и небольшая делегация.

Один из членов этой делегации был высокий молодой парень, худой и с тёмными усами. Я и представить не мог, что когда-нибудь увижу Башара Асада таким молодым.

– Доброго всем дня! Я рад, что вы все здесь и готовы к нашей церемонии, – начал говорить Хафез.

В речи он многое говорил и о войне, и о дружбе между Советским Союзом и Сирией. Вспоминал бои и то, что нам вместе удалось остановить противника.

– Да, враг не побеждён, но он и не победил. И ваши жертвы, пот, кровь никогда не будут преданы забвению.

После продолжительных аплодисментов началась церемония награждения. Первым вышел получать награду за погибшего Володю Горина посол Советского Союза в Сирии.

Следующим на церемонии был награждён генерал-полковник Яковлев. Ему был вручён Орден Омеядов – одна из высших государственных наград Сирии. Всё же, наш советник давно в стране и однозначно многое сделал для защиты и Сирии, и наших интересов в этом регионе.

– За выдающиеся боевые качества, приведшие к решающему повороту в ходе битвы в пользу Сирийской Арабской республики, мужество и героизм, удостоен ордена, и присвоено звание «Героя Республики» майору Клюковкину Александру Александровичу.

Я подошёл к президенту и представился.

– Господин президент, майор Клюковкин прибыл для получения награды, – сказал я на арабском.

– Спасибо вам, майор, – пожал мне руку Хафез и повесил мне на шею орден.

Это была восьмиконечная звезда, наложенная на другую, лучи которой инкрустированы драгоценными камнями. В центре ордена помещён медальон с изображением арабского всадника на коне, держащего в левой руке меч, а в правой – щит.

Сама лента ордена бледно-голубого цвета с шестью белыми полосками.

– Ну и специально для ношения на груди вам вот это, – передал Асад мне коробку от ордена, где она лежала, и копию со стандартной колодкой на грудь.

А то и, правда, на шее носить не очень привычно.

– Спасибо, господин президент.

– Я в долгу перед вами и вашими лётчиками. Вы спасли моего сына, а главное – сломили натиск врага. Такое в Сирии никто и никогда не забудет.

Награждение продолжалось ещё почти час. Лагойко, Зотов и Кеша получили ордена «Воинской чести», а остальные присутствующие ордена «За военные заслуги».

Ну и самое интересное было наблюдать за тем, как за наградой вышла Тося. Асад долго с ней общался, а затем вручил заслуженную награду.

Был после вручения наград и банкет, но Кеше он не понравился. Еды было ему мало, а выпивать он собирался вместе со всеми уже на базе.

Когда пришло время ехать обратно, я сел в автобусе рядом с Белецкой.

– Сегодня вечером у нас собрание коллектива.

– А я тут при чём?

– Медали и ордена будем обмывать. Придёшь?

– Работы много, – сказала Антонина и отвернулась к окну.

По приезду на базу, сообразили стол в нашей комнате на «высотке». В ход пошли уже самые «стратегические» запасы – закрутки, тугоплавкий шоколад и финики. С таким количеством награждённых, нам предстояло «обмывать» каждую медаль долго и упорно.

– Так, отойду ненадолго, – сказал я.

– Ты куда? – спросил Занин, пережёвывая бутерброд.

– В медпункт, за витаминами.

– Ага, вернее, за «витаминкой».

На улице вечерело. Зной и жара спадали. В кабинете Белецкой горел свет. Я изначально думал, что она лукавила, когда говорила про работу.

Когда вошёл в кабинет, обстановка вовсе была не рабочая. Антонина пила чай с вареньем. Так я её и застал с поднесённой ложкой ко рту.

– Ты чего? – произнесла Белецкая, наблюдая, как я решительно иду к ней.

– Так и знал, что сама не придёшь. Я за тобой.

– У меня настроения к застолью нет.

– Поднимем, – сказал я, отодвинув стул прямо с ней.

Она подскочила на ноги, вскинув руку с ложкой впереди себя, будто бы шпагу держит. Перехватил кисть её руки и съел варенье. Вишнёвое. На вкус, вначале кажется кислым, но затем становится сладким. Прямо как Антонина.

– Давно ложкой по лбу не получал?

– Дай подумать... Никогда, – сказал я и обнял Белецкую.

Она вначале замерла, но потом я почувствовал её руки на своей спине.

– Ты чего? – спросила она шёпотом, будто бы боясь спугнуть момент.

– Поддерживаю тебя.

– Кхм... Мне нравится.

– Идём.

– Давай ещё постоим.

– Я бы с удовольствием, но нас ждут, – сказал я, отстраняясь, чтобы подхватить на руки.

– Какая-то у тебя поддержка слабая. Ой, беру свои слова обратно, – улыбнулась Антонина, обвив руками мою шею. – Пстой. Дай хотя бы халат скину.

Я остановился. Мечтательно вскинул голову, глубоко вздохнул и посмотрел на Тосю.

– Потом снимешь. Исключительно для меня.

Глава 7

Тося была совсем лёгкой. Ещё бы была она такой же и по характеру, то цены б её не было.

– Ааа... я тебе говорила, что ты невыносим? – тихо сказала она.

– Сейчас кто-то договорится, и спикирует вниз.

– Ну уж нет. Неси, раз взялся, – произнесла Антонина и чмокнула в щёку.

Я развернулся в сторону высотки. На подходе к зданию пришлось Тосю поставить на ноги, чтобы она могла пройти в узкие двери.

– Саша, я там никого не знаю, – прорычала мне в ухо Тося, которая собиралась уже сбежать, когда мы вошли в здание высотного снаряжения.

– Скажешь тоже! У тебя целый журнал заведён, где все записаны. Через тебя каждый лётчик проходит. Так что взбодришь, – сказал я, обнимая Антонину за талию и подталкивая к нашей комнате.

– Нет, – развернулась Тося и направилась к выходу.

Я успел её подхватить под локоть и развернул к себе.

– Саша, я пойду. Там эти ваши мужские разговоры, обсуждения, сплетни...

– Ничего подобного. Все адекватные, не озабоченные... – отмахнулся я.

Но тут же меня кто-то подставил из коллег, чей-то голос донёсся из комнаты.

– Размер третий. «Булочки» ровные, упругие, а голос такой, что у меня «готовность номер один» была твёрже камня!

Тося прищурилась и с укором посмотрела на меня.

– Вот, а я о чём тебе и говорю – озабоченные!

– Тося, так это ж он про несение боевого дежурства. А ты сразу ниже пояса думаешь, – улыбнулся я, и мы вошли в комнату.

В этот момент история о третьем размере и «готовности номер один» обрела и рассказчика. Им оказался Иннокентий Джонридович. Видимо, под воздействием сильнодействующего «зелья» у Петрова язык развязался.

– Я её взял и как... эм... ну, обнял, короче, – оборвал рассказ Кеша, когда увидел, что я не один.

В комнате стало тихо. Не каждый день на сабантуй приходит дама.

– Прошу жаловать. Любить не обязательно, – сказал я и представил Антонину.

Тося покраснела, но тут же слово взял Занин.

– Товарищи, ещё один орденосец за нашим столом, – сказал Занин, указывая на Белецкую.

Все и так знали Тосю, но лишняя порция аплодисментов в её честь была, кстати. Антонина хоть немного приободрилась.

Я отодвинул стул, приглашая Тосю сесть рядом со мной, а Лагойко организовал стакан с прозрачным напитком.

– Антонина Степановна, где ваш орден? – шепнул я.

– Вот он. Я его с собой ношу. Такая ценность!

Оказалось, что ещё никто так и не обмыл награду. Все ждали нас.

– Сан Саныч, ты у нас командир, направлонец, маяк и вообще ровный парень со всех сторон. Тебе и первую скрипку играть, – объявил Олег Печка, которому место за нашим столом было застолблено изначально, как и любому из самолётчиков.

– Только побыстрее, а то я уже тоже прямой... ик, – добавил Валера Зотов, который «слегка» не рассчитал свои силы и уже начал входить в состояние качки.

Я прокашлялся и встал. Долго обдумывать, что говорить не собирался. Решил делать, как и положено в Советской Армии.

– Представляюсь по случаю получения звания Героя Республики. Указ президента САР от 31 мая 1984 года за номером 88, – громко произнёс я, читая грамоту с текстом указа.

Свой орден я опустил в стакан и залпом выпил.

– Bravo! А теперь? – спросил Занин.

– Продолжаем. Следующий по списку, – сказал я.

Когда очередь дошла до Тоси, все напряглись. Белецкая покраснела, но поднялась на ноги.

– Девочке нальём чуть меньше, – предложил Лагойко и никто не был против.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.